

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НОВОСИБИРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ
Кафедра всеобщей истории

И. Н. ГОМЕРОВ

**АКТУАЛЬНОСТЬ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЕХИ
РАЗВИТИЯ ПОЛИТОЛОГИИ**

Лекция

Новосибирск – 2011

УДК 32 (075)
ББК 66.01 я 73
Г 641

Гомеров И. Н. Актуальность и исторические вехи развития политологии: Лекция / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2011. 67 с.

ISBN 978-5-94356-793-3

В лекции раскрывается актуальность политологии, её основные исторические вехи – с древнейших времён до наших дней. Лекция предназначена для преподавателей, аспирантов и студентов высших учебных заведений. Она представляет определённый интерес для слушателей институтов и факультетов переподготовки специалистов, преподавателей средних специальных учебных заведений, учителей общеобразовательных школ и всех интересующихся политологией и политикой.

Рецензенты:

д-р ист. наук, проф., действит. чл. Академии политической науки и Сибирской академии политических наук В. В. Демидов,
д-р полит. наук, проф. Р. Ш. Нуриддинов

Лекция рекомендована к печати кафедрой всеобщей истории. Протокол заседания кафедры № 3 от 24 января 2011 г.

SBN 978-5-94356-793-3

© Новосибирский государственный
университет, 2011

© Гомеров И. Н., 2011

Актуальность и исторические вехи развития политологии

План

1. Актуальность политологии.
2. Политические учения в древнем мире и средних веках (философский этап).
3. Политические учения в новое время (философский этап).
4. Политологические исследования с середины XIX в. до середины XX в. (эмпирический этап).
5. Политологические исследования с середины XX в. (рефлексивный этап).

1. Актуальность политологии

Определив *сегмент политического поля*, выделив в нём *примерный объект* и сформулировав *примерную тему своего научного исследования* (например, сравнительного историко-политологического исследования), исследователь должен определить практическую и научную актуальность (необходимость, важность, значимость) данного исследования. Для этого он должен *изучить и проанализировать* сначала *существующую жизненную ситуацию и входящую в неё политическую ситуацию*, а затем *существующую отечественную и зарубежную научную литературу* (определить, кто, что и как исследовал) по данной теме, в том числе должен *выделить, изучить и проанализировать исторические вехи развития политических учений и политической науки* (политологии). При этом он должен учитывать, что политология, или политическая наука, изучающая политику, всё активнее внедряется в жизнь людей, превращается в одну из наиболее актуальных и связанных с практикой наук. Это обусловлено множеством факторов. Их разнообразие можно свести к определённому минимуму. С нашей точки зрения, *актуализация политологии*, в том числе *сравнительных историко-политологических исследований*, во второй половине XX века, когда она вступила в рефлексивную фазу своего развития, вызвана прежде всего двумя основными факторами: во первых, изменениями в обществе и политике, потребностями общественно-политической практики и, во-вторых, изменениями в науке и, в частности, в социальном познании.

Политика – это та сфера, которая охватывает значительную часть общественной жизни. Рано или поздно граждане «погружаются» в сферу политики, равно как в экономическую, социальную или духовную сферу человеческого бытия. Как констатирует Д. Хелд, политика пронизывает всю общественную и частную жизнь, проявляется во всех связях и структурах, участвующих в процессе производства и воспроизводства общественной жизни. Она находится в самой *сердцевине* практически всех происходящих в мире процессов и явлений, оказывая самое непосредственное влияние на интересы практически всех людей на земном шаре¹.

¹ *Held D. Political Theory and the Modern State. Essay on State, Power and Democracy. Stanford (Cal.) Univ. press. 1989. VII. P. 246–247.*

Рис. 1.1. Место политики в обществе

Во второй половины XX века происходит существенное расширение мирового политического поля, обусловленное значительным увеличением количества государств. Если в 1945 г. в мире было 68 государств, то к концу столетия (в 1999 г.) их стало 185 – рост в 2,7 раза (рис. 1.2), а ныне ещё больше.

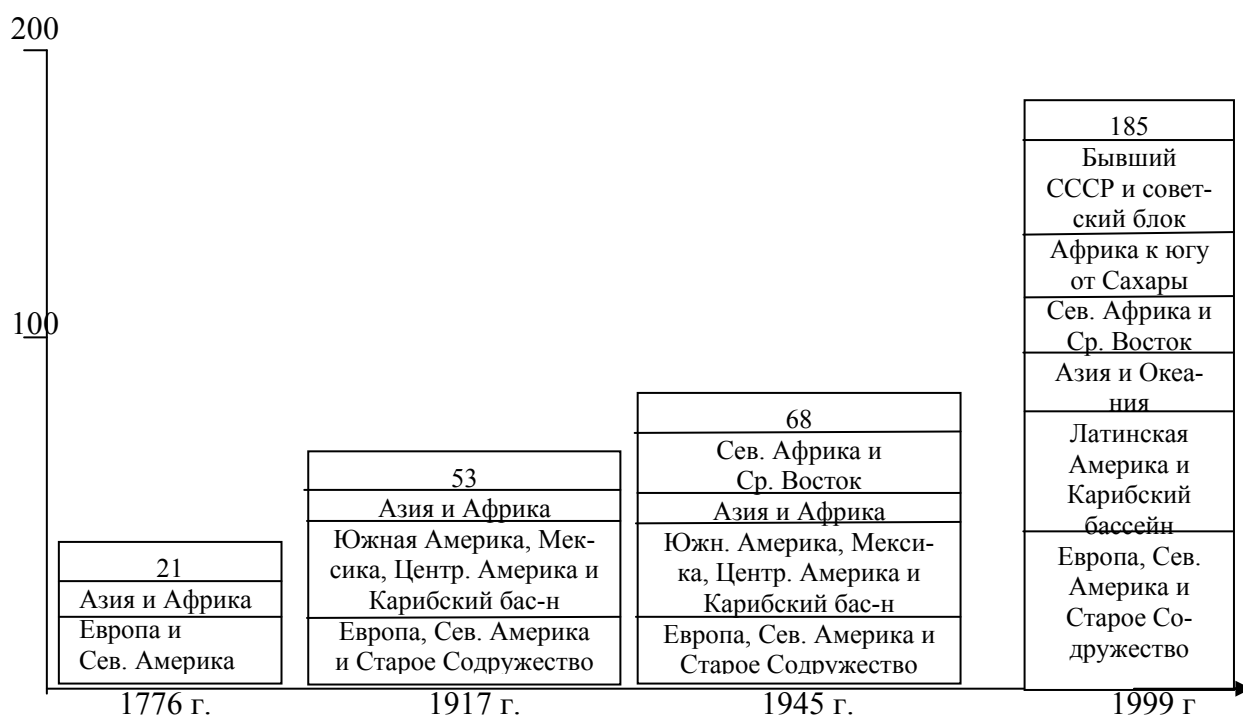

Рис. 1.2. Рост числа государств в мире

Источники: Information Office, United Nations (современные данные); Tailor Ch., Hudson M. Handbook of Political and Social Indicators, New Haven, CT, 1974. P. 26 ff (данные по 1945 г.); Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор. М., 2002. С. 42.

Для второй половины XX века характерно, что всё большее число людей в мире включается в политический процесс. Это прежде всего связано с демографическими изменениями в обществе. Население Земли бурно растёт. Демографы даже говорят о *демографическом взрыве*, напоминающем демографический взрыв неолита, когда темпы роста населения возросли не менее чем в 100

раз¹ (если 9 тыс. лет назад на Земле проживало около 2,5 млн. человек, то через две тысячи лет, т. е. 7 тыс. лет назад, – не менее 4 млн. человек, а уже примерно пять столетий спустя, т. е. в конце первой половины V тысячелетия до н. э., – до 30 млн. человек²). Если в 1000 г. н. э. на Земле проживало 275 млн. человек, в 1900 г. – 1,6 млрд. человек, в 1980 г. – 4,5 млрд. человек³, то в конце XX века население Земли достигло 6 млрд. человек, т. е. за сто лет оно увеличилось в 3,75 раза, причём только за последние 20 лет XX века – в 1,33 раза (рис. 1.3).

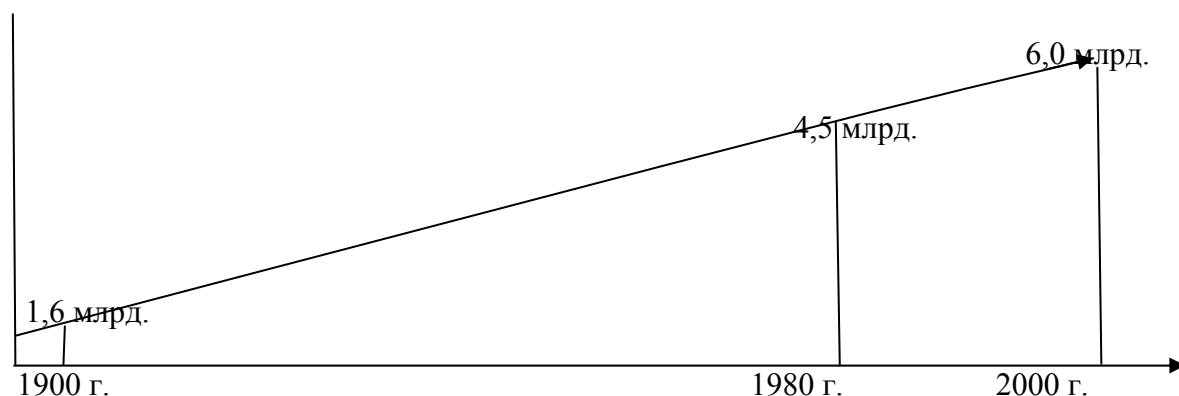

Рис. 1.3. Рост населения в мире

Источники: Демографический ежегодник России: Стат. сб. / Госкомстат России. М., 1999; Российский статистический ежегодник: Стат. сб. / Госкомстат России. М., 1999.

При этом необходимо учитывать, что в России в последние два десятилетия наблюдается обратная картина – сокращение численности населения (табл. 1.1)⁴.

Таблица 1.1. **Изменение численности наличного населения России и его компоненты, 1951–1998**

Годы	Численность населения конец периода тыс. чел.	Среднегодовые темпы прироста, промилле	Общий пр рост, тыс. чел.	Естественный прирост, тыс. чел.	Чистая мигр ция, тыс. чел
1951–1955	112 266	17,5	9321	9160	161
1981–1985	143 835	7,0	4808	3939	869
1986–1990	148 543	6,1	4707	3649	1058
1991	148 704	1,1	161	104	5
1992	148 673	–0,2	–31	–207	176
1998	146 693	–2,8	–412	–697	285
2010 (прогно)	142 000				
2021 (прогно)	122 786				
2050 (прогно)	103 000				

¹ История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М., 1986. С. 445–452.

² История первобытного общества. Эпоха классовообразования. М., 1988. С. 314–315.

³ Советский энциклопедический словарь. 3-е изд. М., 1984. С. 459.

⁴ Население России. 1999: Седьмой ежегодный демографический доклад / Ответ. ред. А. Г. Вишневский. М., 2000. С. 7, 173–175.

В структуре населения планеты происходят существенные сдвиги. Например, увеличивается доля пожилых людей, пенсионеров, в том числе в России (табл. 1.2)¹

Таблица 1.2. **Характеристика возрастного состава населения России на начало 1989 и 1999 гг.**

Доля, %	Всего	0–14 лет	15–59 лет	60 и более лет
1989 г.	100,0	23,1	61,5	15,3
1999 г.	100,0	19,0	62,9	18,1

сокращается диспропорция в соотношении между мужчинами и женщинами, вызванная гибелью мужского населения в мировых войнах и другими причинами, хотя она всё ещё остаётся высокой, в частности в России (табл. 1.3)².

Таблица 1.3. **Число мужчин на 1000 женщин в некоторых крупных странах**

Страны	Всего	0–14 лет	15–59 лет	60 и более лет
Россия	883	1046	968	526
США	959	1049	995	739
Великобритания	965	1053	1023	745
Германия	950	1054	1041	670
Франция	949	1047	1004	729

Стираются грани между городскими и сельскими жителями. Происходит рост городов и сокращение сельского населения. Возникают мегаполисы. Процесс урбанизации охватывают всю планету. Например, в России в конце XIX века менее 1/7 россиян была горожанами, к концу 30-х годов – 1/3, к концу 50-х годов – 1/2, к концу 80-х годов – 3/4³.

Во многих странах перешли к избранию непосредственно населением не только парламента, но и главы государства (в том числе и в России 1990-х–2000-х годов). Проводятся не только общегосударственные, но региональные и местные выборы, референдумы – официальные опросы населения (за исключением некоторых стран, к которым, к сожалению, принадлежит и Россия 2000-х годов). Почти каждый год избиратели участвуют в избирательных кампаниях. *Расширились возрастные рамки участвующих в выборах за счёт снижения возрастного ценза участия в выборах (как правило, до 18 лет) и увеличения продолжительности жизни (за исключением некоторых стран, к которым, к сожалению, принадлежит и Россия 1990-х–2000-х годов). Были отменены другие избирательные цензы – имущественный, по признакам пола, оседлости.* Всё это привело к значительному количественному росту электората, социальной базы, субъектов и контрсубъектов политики, который не мог не вызвать в ней не менее значительных качественных изменений.

¹ *Население России.* 1999. С. 39.

² *Население России.* 1999. С. 41.

³ *Население России.* 1999. С. 16.

Интенсивно развиваться транспорт: автомобильный, авиационный, железнодорожный, водный, что увеличило возможность непосредственных *личных контактов* людей, занимающихся политикой. Происходит массовая *телефонизация*. Помимо традиционных *средств связи* (в частности, почтовой связи, телеграфа) появляются *новые* (например, телефакс, Интернет, мобильная связь). За счёт этого было значительно *расширено пространство* политики, уплотнено её *время, скорость*. Люди получили возможность чаще встречаться друг с другом, преодолевать за короткое время значительные расстояния, что не могло не сказаться на их *информированности*, в том числе и в вопросах политики. Коммуникации её субъектов и контрсубъектов стали действительно массовыми и постоянными.

Возникновение и развитие *телевидения, радио, прессы* приобщило к политике почти всё население планеты, умножило возможности взаимодействия между субъектами и контрсубъектами политики и информационного воздействия на них и манипулирования ими, в том числе манипуляция их сознанием¹. Средства массовой информации, особенно визуальные, многократно усилили их потенциал. Они многократно усилили роль в политике её *внерациональных* элементов, в частности, симпатий и антипатий, эмоций, бессознательных актов её субъектов.

Средства массовой информации (СМИ) – газеты, журналы, радиовещание, телевидение, интернет-издания, а также стоящие за ними их субъекты и контрсубъекты (обозначим их символами $C_{\text{СМИ}}$ и $C'_{\text{СМИ}}$) являются важнейшим опосредствующим звеном, или посредником, между субъектами и контрсубъектами политики. Как пишет М. Вебер, «всякий значительный политик нуждается в прессе как эффективном инструменте воздействия и, следовательно, в связях с прессой»². Данное утверждение может быть представлено формулой

$$[(C_{\text{П}} \leftrightarrow C'_{\text{П}})^n \leftrightarrow (C_{\text{ПС}} \leftrightarrow C'_{\text{ПС}})^n_{\text{СМИ}}] \rightarrow (КГ \leftrightarrow S^{Y\Pi}). \quad (1.1)$$

Среди средств массовой информации современного мира особое место занимает телевидение. На просмотр телепередач люди сегодня тратят гораздо больше времени, чем на прослушивание радиопередач или чтение журналов и газет³. По данным, которые приводит Р. Т. Мухаев, телевидение сегодня ведётся в 130 государствах мира на 600 млн. телевизоров, которые смотрит 2,5 млрд. человек⁴.

Телевидение, как и любое другое средство массовой информации, может либо вознести, либо, наоборот, утопить практически любого человека, в том числе субъекта государственной власти или организацию, в том числе властно-государственную организацию. Например, в последние годы жизни престарелый Л. И. Брежнев не соответствовал требованиям телевидения, которое не в

¹ Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М., 2009.

² Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 668.

³ Пугачёв В. П., Соловьёв А. И. Введение в политологию: учебник для студентов высш. учеб. заведений. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1998. С. 356.

⁴ Мухаев Р. Т. Политология: Учебник для вузов. М, 1997. С. 287.

состоянии было скрыть от широкой публики негативные черты Генерального секретаря ЦК КПСС и Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Его реальная популярность в этот период среди многих граждан СССР и граждан других государств была чрезвычайно низкой. Наоборот, относительно молодой, «ходячий», самостоятельно, без бумажки говорящий М. С. Горбачёв в первые годы своего нахождения на вершине партийной и государственной власти был необычайно популярен у широкой отечественной и особенно зарубежной публики, чему в немалой степени способствовало телевидение.

О многих *действиях и высказываниях*, а иногда даже о мыслях, чувствах и других *психических актах* или состояниях тех или иных людей, в том числе субъектов и контрсубъектов политики, *сообщается* в средствах массовой информации. Они могут стать объектом массовых коммуникаций, в том числе всевозможных слухов, могут обсуждаться всеми членами государства или их большей частью, а также за рубежом. Неслучайно говорят, что в современную эпоху мы живём не столько среди людей, сколько среди информации о людях. Нет информации о человеке, нет человека. Обращаясь к средствам массовой информации, человек ищет в них не только и не столько факты, сколько подтверждение своей позиции, своих взглядов.

В общественном мнении многих государств, включая Россию, существует убеждение, что средства массовой информации представляют собой *четвёртую власть*. Конечно, СМИ оказывают огромное влияние на значительную часть общества, могут существенным и целенаправленным образом изменять их деятельность и отношения, причём в том направлении, которое необходимо людям, стоящим за этими средствами массовой информации. По ширине охвата, объёму, силе, глубине своего воздействия на людей СМИ могут превосходить (и превосходить значительно!) воздействие, которое оказывают на тех же самых людей все существующие в данном государстве субъекты, органы и организации государственной власти. Тем не менее, средства массовой информации остаются лишь *средствами влияния или управления*, средством осуществления *власти* стоящих за ними людей – их хозяев, но они никогда не являлись и *не являются разновидностью*, формой *государственной власти*, хотя и могут быть средством, используемым для её осуществления. Они не есть форма государственной власти, не есть сама государственная власть – ни первая (законодательно-представительная), ни вторая (исполнительно-распорядительная), ни третья (судебная), а также ни четвёртая, ни пятая и ни десятая. Они могут быть только средством, органом, используемым субъектами, организациями, органами, учреждениями этой власти, точно так же, как они являются средством, которое используют в своих интересах и целях другие общественные субъекты и организации – их подлинные хозяева, в том числе пишущие или говорящие журналисты, не являющиеся властно-государственными субъектами или организациями.

Между средствами массовой информации, с одной стороны, и субъектами, органами и организациями государственной власти – с другой, всегда устанавливаются определённые отношения. В ряде государств изданы специальные законы, которые часто называют законами об *открытости* (свободе, доступно-

сти, гласности) *властно-государственной информации*. В частности, в Австрии, Австралии, Греции, Дании, Канаде, Нидерландах, Новой Зеландии, Норвегии, США, Финляндии, Франции и Швеции. Эти законы открывают доступ к определённым кругу официальных документов, в том числе документов органов государственной власти. Они предоставляют право инспектировать и копировать эти документы. Это в определённой мере уравнивает контрсубъектов государственной власти с её субъектами, позволяет гражданам государства контролировать деятельность его властных органов, содействует более эффективному управлению государством. Большая часть открытой властно-государственной информации направляется в публичные библиотеки, открытые фонды государственных архивов, автоматизированные базы данных, информационные агентства, а через них – и в средства массовой информации. Некоторая их часть предоставляется отдельным заинтересованным в ней гражданам непосредственно в органах государственной власти. Граждан, допущенных к властно-государственной информации по закону, нельзя лишать возможности передавать эту информацию другим лицам, в том числе лишённым права доступа к ней. Большинство принятых органами государственной власти *решений*, как правило, *публикуются* в специальных и массовых изданиях, направляются в заинтересованные властно-государственные органы, учреждения, организации. Только в этом случае они вступают в законную силу. О них сообщается в средствах массовой информации¹.

Состояние *свободы, независимости* средств массовой информации обуславливается не только наличием и применением соответствующих законов, но, кроме того, различного рода договорённостями между заинтересованными лицами и группами людей, практикой. В ряде стран, например в Великобритании, для организации издательской деятельности не требуется чьего-либо предварительного согласия или разрешения. Всякий имеющий необходимые финансовые средства может организовать собственное издательское дело. Не требуется также какого-либо предварительного разрешения и относительно содержания публикуемого материала. Нет государственного цензора, следящего за многочисленными газетами, журналами или компьютерными публикациями. Тем не менее, везде существует комплекс ограничений, влияющий на свободу средств массовой информации. Это прежде всего законы, предусматривающие наложение больших денежных штрафов на издателей и авторов, которые допускают в своих публикациях клевету, богохульство, откровенную порнографию. В Великобритании существует закон о конфиденциальности, согласно которому информация, передаваемая о частной жизни отдельного лица, может быть запрещена к публикации на основании судебного решения, нарушение которого влечёт за собой уплату штрафа².

Вместе с тем, весьма весомая *часть властно-государственной информации остаётся закрытой* для неспециалистов. Даже в таком относительно демо-

¹ См., например: Майкл Д. Свобода официальной информации // Современный конституционализм (по материалам советско-британского симпозиума). М., 1990. С. 138–144.

² Остин Р. Свобода прессы и средств массовой информации // Современный конституционализм (по материалам советско-британского симпозиума). М., 1990. С. 145.

кратическом государстве, как США, где, по подсчётам самих американцев, пределы ЦРУ не покидает 90 % информации¹. Её разглашение является уголовно наказуемым деянием. В большинстве государств, в которых изданы законы об открытой правительственной, властно-государственной информации, кроме того, имеются законы и специальные инструкции, запрещающие неправомерное разглашение информации о деятельности правительства и других органов государственной власти. Причины, по которым часть властно-государственной информации остаётся закрытой, могут быть самыми разными и определяются законом. Как правило, законы многих государств запрещают разглашать информацию, касающуюся обороны, дипломатии, секретных внутренних переговоров, личных тайн, коммерческой тайны, принудительного исполнения закона, возможности предупреждения или раскрытия преступлений. Конкретные же критерии секретности в различных государствах разные. *Секретность* части деятельности властно-государственных организаций может приносить им определённую пользу, но не всегда обеспечивает её эффективность. Очень часто та или иная секретная властно-государственная организация может представляться эффективной, хотя таковой на самом деле не является.

В Великобритании, которая имеет давние демократические традиции, существуют ограничения на публикацию информации, касающейся обороны, безопасности и разведки. Государственный служащий, огласивший секретную информацию, может быть наказан в судебном или дисциплинарном порядке – уволен, понижен в звании, лишён права на пенсию, переведён на менее важную работу. Комитет по сообщениям, прессе и радиовещанию, состоящий из представителей министерства обороны, прессы и радиовещания, даёт указания в отношении определённых материалов, которые не должны публиковаться. За нарушение закона о государственной тайне 1911 года средства массовой информации несут ответственность в форме лишения их корреспондентов аккредитации при правительственных учреждениях. Правительство в соответствии с законом может также применять уголовные санкции в случаях обнаружения нежелательной информации. Оно может контролировать получение информации из государственных источников, в том числе тогда, когда корреспонденты получают её в кулуарах парламента или других государственных учреждений. В обмен на получение информации во время брифингов, проводимых представителями правительственных учреждений, корреспонденты соглашаются не указывать точно источник информации, кроме обозначения его как «источник, близкий к правительству, премьер-министру или министру», и не сообщать об инцидентах, происходящих в стенах этих учреждений или в парламенте. Закон о неуважении к суду 1981 года запрещает публикацию информации, относящуюся к судопроизводству. Судьи могут отдавать распоряжения, запрещающие публикацию широкого круга вопросов. Деятельность средств массовой информации регулируется также посредством существующего в Великобритании Совета по прессе, который, хотя и издаёт формальные предписания и указания по жалобам, тем не менее, не может применять обязательные для исполнения

¹ Почепцов Г. Г. Паблик рилейшнз для профессионалов. 2-е изд. М., 2000. С. 598.

санкции. Кроме того, в отношении средств массовой информации, принадлежащих государству, правительство может применять и более эффективные средства воздействия. Так, министр внутренних дел может оказать официальное влияние на «Би Би Си», высказывая своё мнение о необходимости или ненужности того или иного сообщения. Он определяет размер гонораров обозревателей телевидения, что, несомненно, влияет на деятельность «Би Би Си». Высказывания видных политических деятелей также могут влиять на направление сообщений «Би Би Си» и содержание других программ. Деятельность коммерческого телевизионного отдела регулируется Управлением независимого вещания, которое стремится обеспечить соблюдение в телевещании политической сбалансированности и объективности, направляет телепрограммы в русло хорошего вкуса и общественной благопристойности, следит за их качеством и содержанием, т. е. в определённой мере играет роль цензора. Министр внутренних дел имеет законные полномочия приказывать Управлению независимого вещания не передавать определённые материалы в эфир. Так, в 80-е годы XX века при премьер-министре М. Тэтчер министр препятствовал появлению сообщений об открытых заявлениях североирландских террористов или их представителей, создал Управление по стандартизации вещания для наблюдения за содержанием передач по проблемам секса и насилия. Старшие государственные чиновники открыто нападали на сообщения о фолклендском конфликте, североирландских делах и сообщения о бомбардировках Ливии американскими самолётами, базирующимися в Великобритании¹.

Интересны высказывания на этот счёт Г. Гегеля: «Дефиниция свободы печати как свободы говорить и писать что *угодно* аналогична пониманию свободы вообще как свободы делать что *угодно*. Такие речи связаны с совершенно необразованным, примитивным и поверхностным представлением»².

Используя опубликованные в печати различные данные опросов общественного мнения, субъекты и контрсубъекты политики и их посредники должны относиться к ним весьма осторожно. Многие опросы далеки от «беспристрастности» и являются слабоприкрытой формой влияния на общественное мнение. Нередко они заметно отличаются друг от друга, не подтверждаются последующими исследованиями, оборачиваются правдоподобной дезинформацией. Чтобы правильно оценить эти публикации, необходимо, считает известный российский социолог В. А. Ядов, руководствоваться, по крайней мере, тремя правилами.

Во-первых, в публикации об опросе общественного мнения должны содержаться сведения о составе опрошенных (выборка), о качестве их отбора, о том, насколько состав опрошенных по основным показателям (пол, возраст, социально-профессиональные группы) отклоняется от фактического распределения населения в данном районе, соблюдалось ли правило равной вероятности быть опрошенным; если этого нет (а указываются, например, только количест-

¹ Остин Р. Указ. соч. С. 146–150.

² Гегель Г. Философия права. М., 1990. С. 355.

во опрошенных), то либо опрос проводился непрофессионально, либо недобросовестно, либо нас хотят ввести в заблуждение.

Во-вторых, в публикации должны быть сообщены полная формулировка вопроса и распределение всех ответов (а не только тот, за который высказалось большинство).

В-третьих, любая публикация должна иметь ссылку на организацию лиц, проводивших опрос. При соблюдении всех указанных требований опросы являются эффективным методом исследования политической ситуации, а их результаты могут быть использованы субъектами и контрсубъектами политики в своей политической деятельности.

Так, при опросе 1500 россиян, проведённом Фондом «Общественное мнение» 24–25 июня 2006 года в 100 населённых пунктах 46 областей, краёв и республик России, исследователей интересовали мнения респондентов о том, как российская политическая жизнь отражается в СМИ, прежде всего на телевидении. Судя по данным опроса, большинство россиян регулярно смотрят выпуски телевизионных новостей: 40 % опрошенных заявили, что делают это ежедневно, 21 % – что 3–4 раза в неделю (рис. 1.4).

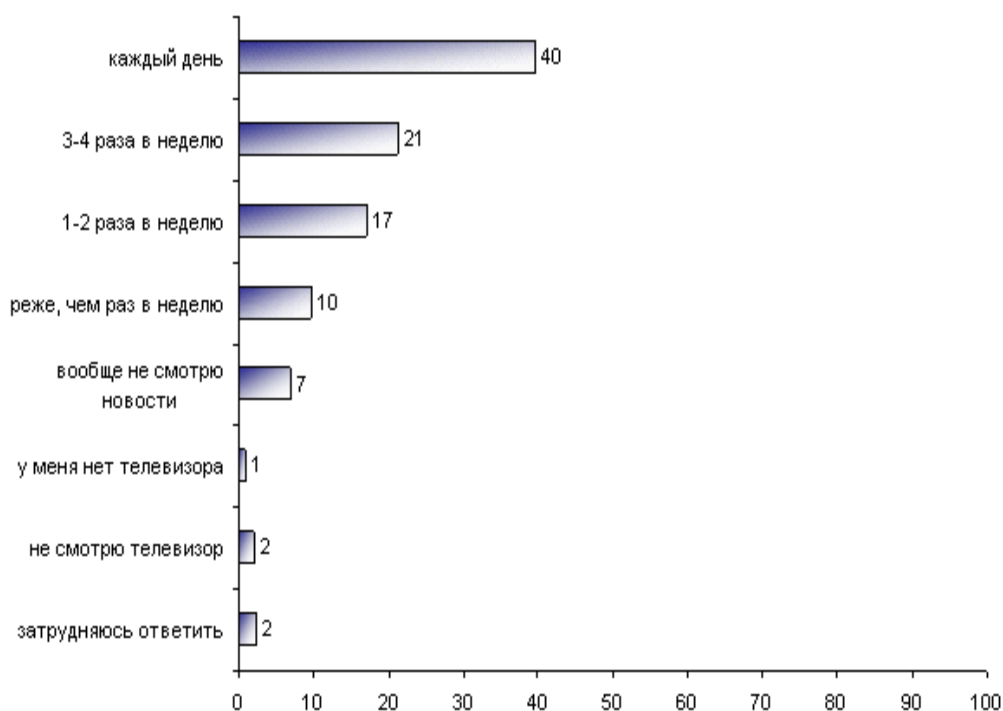

Рис. 1.4. Частота просмотра теленовостей россиянами (%)

Люди, интересующиеся политикой, разумеется, смотрят новости гораздо чаще, чем те, кто ею не интересуется, но и среди последних 46 % уделяют внимание информационным выпускам не менее трех раз в неделю. Полноту и объективность информационной картины политической жизни респонденты чаще оценивают негативно, чем позитивно. 45 % опрошенных полагают, что телевидение недостаточно полно освещает политические события (противоположной точки зрения придерживаются 29 % респондентов), 43 % опрошенных считают,

что оно освещает их необъективно (убеждены в обратном 31 % участников опроса). Мнения респондентов, интересующихся и не интересующихся политикой, по этим вопросам различаются не очень сильно. Среди вторых заметно больше затруднившихся с ответом, но перевес негативных оценок подачи информации о политике над позитивными в обеих группах примерно одинаков (табл. 1.4).

Таблица 1.4. Мнение россиян об объективности телевидения

	Все	Интересуются политикой	Не интересуются политикой
Доли групп, %	100	38	59
Вопрос: «Как Вы считаете, сегодня в целом телевидение рассказывает о российской политической жизни объективно или необъективно?»			
Объективно	31	40	26
Необъективно	43	48	39
Затрудняюсь ответить	26	13	35
Вопрос: «Как Вы считаете, сегодня телевидение освещает российскую политическую жизнь достаточно полно или недостаточно полно?»			
Достаточно полно	29	37	24
Недостаточно полно	45	54	39
Затрудняюсь ответить	26	9	37

Таблица 1.5. Мнение россиян о работе телевидения

	Все	Информация о политической жизни в СМИ		
		стала более интересной	осталась такой же	стала менее интересной
Доли групп, %	100	32	29	15
Вопрос: «Как Вы считаете, сегодня в целом телевидение рассказывает о российской политической жизни объективно или необъективно?»				
Объективно	31	52	28	16
Необъективно	43	34	50	71
Затрудняюсь ответить	26	13	22	13
Вопрос: «Как Вы считаете, сегодня телевидение освещает российскую политическую жизнь достаточно полно или недостаточно полно?»				
Достаточно полно	29	47	29	16

Недостаточно полно	44	42	50	70
Затрудняюсь ответить	26	10	21	14

При этом динамику освещения российской политической жизни на телевидении россияне оценивают скорее позитивно, чем негативно: 32 % опрошенных считают, что информация стала более интересной (15 % – что менее интересной), 38 % – что ее стало больше (лишь 8 % – что меньше). Респонденты, интересующиеся политикой, считают, что информация стала интереснее и обильнее, чаще остальных – по 48 % ответов в обоих случаях. Значительная часть респондентов полагает, что ни количество информации, ни ее увлекательность за последнее время не изменились. Эти люди чаще склонны негативно оценивать тот информационный продукт, который предлагает телевидение: говоря о том, что освещение политической жизни остается таким же, каким было, они чаще имеют в виду «таким же плохим», чем «таким же хорошим». В том числе это видно по оценке этими респондентами полноты и объективности информации в СМИ (табл. 1.5).

Отдельный сюжет в рамках данного опроса – отражение в СМИ мнений представителей политической оппозиции. Около половины опрошенных (44 %) считают, что у представителей оппозиции есть возможность высказать свою точку зрения на телевидении. Противоположной точки зрения придерживаются 27 % респондентов. Причём сторонники «Единой России» и ЛДПР гораздо более позитивно оценивают уровень политического плюрализма на телевидении, чем сторонники партий «Яблоко», КПРФ и особенно «Родины», а также те, кто высказался «против всех».

Таким образом, респондентов в целом удовлетворяет вектор изменений в освещении политической жизни в электронных СМИ, однако полнота и объективность информационной картины относительным большинством признается недостаточной. При этом представление на телевидении различных точек зрения явно не рассматривается как основной критерий объективности. Среди тех, кто говорит, что политика освещается необъективно, 39 % считают, что у представителей оппозиции сегодня есть возможность высказать свою точку зрения (противоположного мнения придерживаются 42 % респондентов данной группы)¹.

Значительное место в освещении событий, происходящих в регионах России, занимает центральное телевидение. Так, опрос россиян, проведенный Фондом «Общественное мнение» 26–27 июня 2004 года в 100 населённых пунктах 46 областей, краёв и республик России, показал, что основным источником получения информации является телевидение (рис. 1.5).

¹ Бавин П. Политика в СМИ. 29.06.2006 [отчёт]. [Опрос населения]. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://bd.fom.ru/report/cat/smi/smi_pol/dd062522.

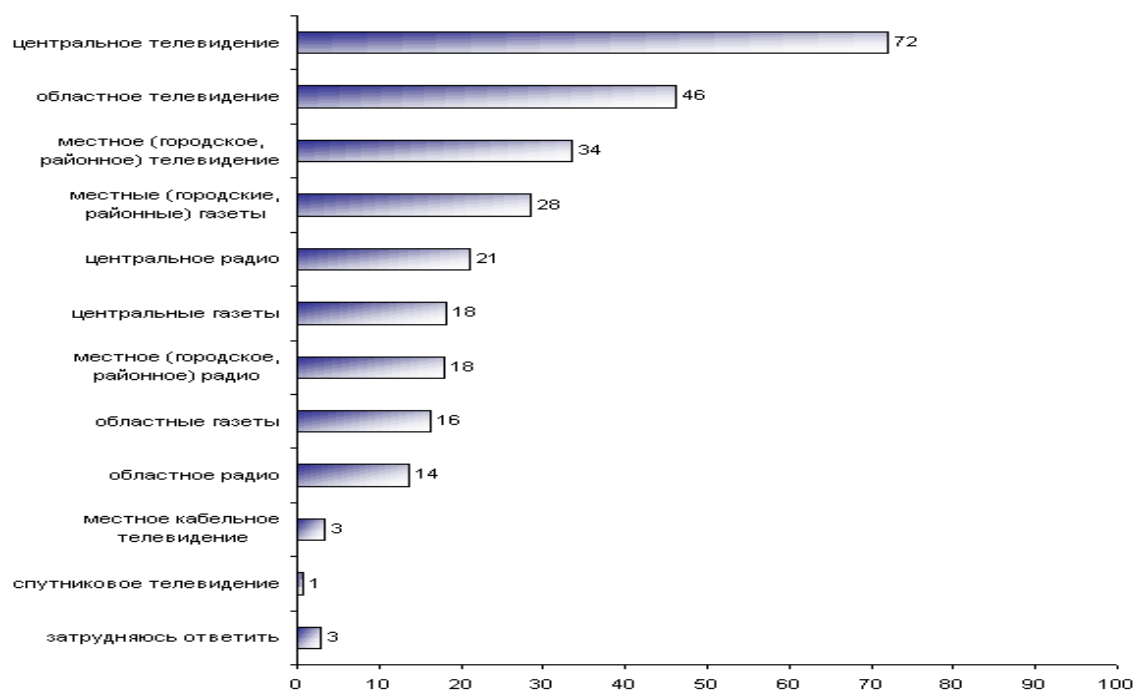

Рис. 1.5. Источники получения информации россиянами

При этом было выявлено следующее мнение респондентов об объективности освещения ситуации в регионе в центральных и региональных СМИ (рис. 1.6, 1.7).

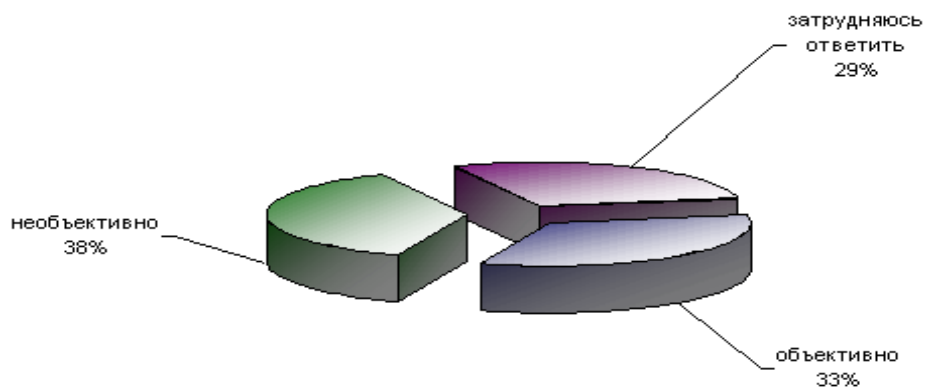

Рис. 1.6. Мнение россиян об объективности освещения ситуации в регионах в центральных СМИ

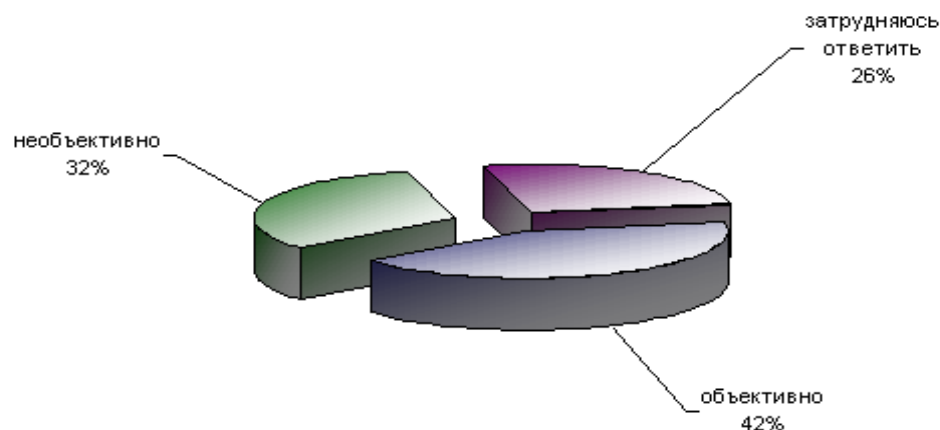

Рис. 1.7. Мнение россиян об объективности освещения ситуации в регионах в местных СМИ

При опросе 1500 россиян, проведённом Фондом «Общественное мнение» 6–7 сентября 2008 года в 100 населённых пунктах 44 областей, краёв и республик России, выяснилось, что для значительной части россиян телевидение – важная составляющая повседневности. Кому-то оно служит источником информации и развлечений, для других создает необходимый фон жизни, сопровождая в каждодневных делах. Очень мало осталось тех, кто не имеет телевизора или по тем или иным причинам не смотрит его (по данным последнего опроса, 2 и 1 % соответственно). Большинство же людей (72 %) смотрят телевизор каждый день, 15 % – 3–5 раз в неделю и лишь 10 % – 1–2 раза в неделю и реже. Когда-то телевизор включался строго под определенную передачу, а потом – о чем вспомнят, скорее всего, единицы – во многих домах он прикрывался специальной салфеткой. Сегодня целенаправленно, чтобы посмотреть конкретную программу, телевизор включают 39 % опрошенных, и такой стиль телевизионного поведения характерен прежде всего для людей пожилых (51 % респондентов в возрасте от 55 лет). Большинство же участников опроса (56 %) сказали, что включают телевизор, просто когда у них есть свободное время. Именно такой стиль «общения с телевизором» все больше закрепляется в жизни современного человека, и неслучайно чаще всего его отмечали молодые люди (18–35 лет) – 66 %. Другим проявлением той же тенденции превращения телевидения в фон жизни выступает ослабление привычки «программировать» телепросмотр: лишь 15 % выбирают передачу из телепрограммы, в то время как 41 % просто «щелкают» каналы, и это опять-таки стиль телеповедения прежде всего молодых телезрителей (51 % в этой группе). Роль телевидения в жизни современного человека многофункциональна. Участники массового опроса определили ее прежде всего как информационно-новостную: так, на открытый вопрос «Зачем Вы смотрите телевизор?» 44 % дали ответы: «быть в курсе всего»; «получить последнюю информацию о событиях»; «знать хочу о происходящем в стране и мире»; «знать, что где творится» и т. п. Каждый девятый (11 %), говоря об информационной функции телевидения, понимал ее более широко – как предос-

тавление нового знания о мире, интересных сведений, обогащающих эрудицию, расширяющих кругозор: «с целью просвещения»; «увидеть что-то интересное»; «узнать много нового»; «для развития кругозора»; «для эрудиции»; «познавательные цели». Многим людям телевидение дает отдых, релаксацию, возможность получить удовольствие («в качестве отдыха»; «хорошо провожу время»; «чтобы снять усталость, стресс» – 24 %); позволяет заполнить свободное время, спасает от скуки и одиночества («а чем еще заниматься вечером, после работы?»; «вечером не скучно с ним»; «это мое общение» и т. п. – 13 %). В ряде ответов назывались конкретные телевизионные жанры, привлекающие респондента: кинофильмы (8 %), сериалы (2 %), спортивные передачи (3 %), прогноз погоды (2 %), шоу и развлекательные передачи, музыкальные и детские программы, передачи телеканала «Культура» и прочие телезрители (по 1%). Впрямую о телевизоре как о «деле привычки» или «фоне» домашнего быта говорили немногие (2 и 1 % соответственно), что, впрочем, не означает, что эти функции несущественны. Телевизор не только «количественно» занимает большое место в жизни современного человека, но и принимается им «качественно», отвечает его запросам, вкусам и предпочтениям. Большинству россиян (69 %) нравится сегодняшнее российское телевидение. Тех, кого оно по тем или иным причинам не устраивает, значительно меньше – 20 % (7 % затруднились ответить на вопрос). Наиболее любимы населением каналы «Россия» и «Первый» (48 и 44 % соответственно называли эти каналы в числе тех, которые им нравятся больше всего). На 3-м месте – НТВ (31 %). Заметим, что у этих каналов и наибольшие возможности приема: 91 % – у первых двух, 76 % – у НТВ. У остальных каналов число «пристрастных» зрителей (как, впрочем, и степень охвата аудитории) гораздо меньше: у СТС – 13 %, у ТНТ и «Спорта» – по 10 %, у «Культуры» и РЕН ТВ – по 8 %, у остальных – не больше 5 %. При интерпретации этих ответов стоит учитывать, что респондент не был ограничен в выборе предпочитаемых телеканалов (каналы перечислялись на карточке, и из этого набора респондент мог отметить любое количество позиций). Говоря о привлекательных сторонах современного российского телевидения (соответствующий вопрос задавался в открытой форме), респонденты отмечали прежде всего его информационную насыщенность: «постоянно идут новости»; «держит в курсе всех событий»; «для меня эта информация о событиях в мире»; «хорошие новостийные программы»; «что все показывают честно о событиях в стране и за рубежом» (20 %). 15 % отметили большой выбор художественных фильмов; 9 % привлекает обилие развлекательных программ, игр, ток-шоу; еще 9 % – большое количество разнообразных телесериалов; 7 % довольны тем, что на современном телевидении присутствуют хорошие научно-познавательные программы, «проблемные передачи», «серьезные программы». Часть респондентов обобщенно говорили о разнообразии выбора, предоставляемого современным телевидением: «выбор огромный»; «возможность смотреть много каналов»; «разнообразие программ на любой вкус» (10 %). Другие достоинства современного российского ТВ упоминались реже. Отвечая на симметричный открытый вопрос «Что Вам не нравится в сегодняшнем российском телевидении?», респонденты чаще всего обращали внимание на засилье рекламы (39 %), а также чрезмерное при-

сутствие на телеэкране агрессии и эротики (15 и 9 % соответственно). Много претензий звучало в адрес конкретных тележанров: «бесконечных сериалов» (9 %) и боевиков (4 %), «всяких дурацких шоу» и вообще пустых и глупых передач (6 %). Остальные критические суждения встречаются реже. Как правило, люди не жалеют о времени, проведенном перед телеэкраном: большинство респондентов (59 %) сказали, что они проводят у телевизора столько времени, сколько им хочется; 29 % предпочли бы смотреть телевизор больше, чем им сегодня удастся, и лишь 6 % хотели бы тратить на телепросмотр меньше времени¹.

Таким образом, само *общество* всё более и более *становится информационным*. Если после «неолитической революции» примерно 10 или 11 тыс. лет назад человечество вступило в фазу аграрного общества, то с середины XVII в. (сначала в Англии, а затем и в других странах) оно вступило в фазу индустриального общества (в России оно формировалось с 1861 г., в 1930-е гг. и второй половине XX в., с перерывами на войны, а в 1990 гг. пережило фазу деиндустриализации). С середины XX в. в мире происходит сближение и *диалог* различных *цивилизаций* (в частности, западной и восточной), начинается цивилизационный сдвиг – переход от одного типа цивилизации (*индустриального*) к другому её типу (*информационному*), к цивилизации, основанной на знаниях, в которой ведущая роль будет принадлежать не конструкторско-технологическим, материально-вещественным, технико-производственным факторам, не «человеку-функции» или «человеку-винтику», не большим и малоподвижным социальным классам-монолитам, а социокультурным, духовно-социальным факторам, человеку-личности, малым и высокоподвижным социальным группам. Начинает разрушаться код индустриального общества: стандартизация, специализация, синхронизация, концентрация, максимизация, централизация, формируется *производство* не только для других, но и *для себя*, оно *индивидуализируется*, сочетаясь с его массовостью, происходит его *глобализация*, как и глобализация других сфер, а также *раскол наций*²; формируется сверхобщество и новая форма интеллекта³.

Политические реалии становятся такими, что их невозможно адекватно описать, объяснить и понять без учёта того социокультурного фона, при котором они возникают, существуют, проявляются (функционируют) и развиваются. В политике всё более заметную роль выполняют игра, традиции, обычаи, ритуалы, мода, мифы, религия, театрализация, юмор, знания, морально-правовые нормы, ценности и оценки, идеологии, потребности, запросы, предпочтения, мотивы, цели политических субъектов и контрсубъектов, все элементы человеческой культуры и психологии, не только всеобщее, повторяющееся, закономерное, коллективное, социальное, групповое, этническое, национальное, общечеловеческое, но и неповторимое, уникальное, индивидуальное, лич-

¹ Шмерлина И. Телевизор в нашей жизни. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://bd.fom.ru/report/map/projects/dominant/dom0836/d083623>

² Тофлер Э. Третья волна: Пер. с англ. М., 1999.

³ Зиновьев А. А. На пути к сверхобществу. М., 2000.

ностное, не только прагматика и рациональность, но символика и иррациональность. Здесь чрезвычайно важны знаково-символические характеристики политики, или, как образно пишет французский политолог С. Лятуш, человеческие «жесты», составляющие «социальную реальность в процессе реализации»¹.

Этот социокультурный фон имеет определённую специфику в тех или иных социальных группах. Он существенно различается не только в различных странах, но и в различных территориальных единицах одной и той же страны².

Углубляется экономическая, социальная, политическая, духовная дифференциация общества. Многообразие становится характерной чертой человеческого бытия. Ускоряются темпы общественного развития, интенсифицируются деятельность и взаимоотношения людей. Они утратили характерную для предшествующих столетий устойчивость и гарантированность своего общественно-го положения и статуса. Противоречия между ними не ослабевают, а в некоторых сферах, наоборот, усиливаются. Общество всё чаще и чаще оказывается в неравновесном состоянии, состоянии внутренних конфликтов и бифуркации (разветвления путей развития), когда зависимость между прошлым и будущим ослабевает или вообще прекращается, а случайность, неопределённость, риск начинают играть в нём если не решающую, то весьма заметную роль. Это неизбежно ведёт к политическому плюрализму, усложнению политики, её дифференциации и неустойчивости, когда даже слабые воздействия на неё могут дать непропорционально сильные эффекты. Она приобретает значительную подвижность, гибкость, изменчивость, становится многокомпонентной, осуществляется её субъектами в условиях уплотнения, дефицита или даже цейтнота времени.

Особую актуальность политология как наука и учебная дисциплина приобретает в современной России. За последние 25 лет в политической системе России произошли существенные изменения (рис. 1.8–1.9; табл. 1.6).

	1	2	3	4	5	6	7	8
А								
Б								
В								
Г								
Д								
Е								
Ж								
З								

¹ Latousch S. Le proces de la science sociale // Introdution a une theorie de la connaissance. Paris, 1984. С. 49.

² Гомеров И. Н. Территориальные особенности электоральных субкультур // Социальное взаимодействие и политические процессы на территории: В 2 ч. Кемерово, 1997. Ч. 2.

1 – общественные институты; 2 – организованные группы интересов; 3 – независимые партии; 4 – коммунистическая партия; 5 – парламент; 6 – СМИ; 7 – бюрократия; 8 – ген. секретарь/президент;

А – социализация; Б – рекрутирование; В – коммуникация; Г – артикуляция (членораздельное, ясное выражение, произношение) интересов; Д – агрегация (соединение, интеграция) интересов; Е – определение политического курса; Ж – осуществление политического курса; З – вынесение судебных решений.

– интенсивное участие в выполнении данной функции;

– некоторое участие в выполнении данной функции;

– слабое участие/неучастие в выполнении данной функции.

Источник: Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. С. 84.

Рис. 1.8. Советская политическая система в 1985 г.

	1	2	3	4	5	6	7	8
А	Dark	Dark	Dark	Medium	Medium	Dark	Dark	Medium
Б	Dark	Dark	Dark	Medium	Medium	Medium	Dark	Dark
В	Medium	Dark	Dark	Medium	Medium	Dark	Dark	Dark
Г	Medium	Medium	Dark	Medium	Medium	Medium	Dark	Medium
Д	Medium	Medium	Dark	Medium	Dark	Medium	Dark	Dark
Е	Light	Medium	Medium	Light	Dark	Medium	Dark	Dark
Ж	Light	Medium	Light	Light	Medium	Medium	Dark	Medium
З	Light	Light	Light	Light	Light	Light	Dark	Medium

1 – общественные институты; 2 – организованные группы интересов; 3 – независимые партии; 4 – коммунистическая партия; 5 – парламент; 6 – СМИ; 7 – бюрократия; 8 – президент;

А – социализация; Б – рекрутирование; В – коммуникация; Г – артикуляция (членораздельное, ясное выражение, произношение) интересов; Д – агрегация (соединение, интеграция) интересов; Е – определение политического курса; Ж – осуществление политического курса; З – вынесение судебных решений.

– интенсивное участие в выполнении данной функции;

– некоторое участие в выполнении данной функции;

– слабое участие/неучастие в выполнении данной функции.

Источник: Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. С. 85.

Рис. 1.9. Российская политическая система в 1998 г.

Таблица 1.6. **Изменения, произошедшие в России с 1985 г. по 2010 г.**

	1985 г.	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.
Роль ком. партии	Максимальная	Высокая	Средняя	Низкая	Низкая	Низкая
Роль неправительственных неком. партий	Нет	Средняя	Высокая	Высокая	Низкая	Низкая
Роль правительственной партии	Максимальная	Высокая	Низкая	Низкая	Ограниченно высокая	Ограниченно высокая
Роль руководителей правящей партии	Максимальная	Высокая	Низкая	Низкая	Ограниченно высокая	Ограниченно высокая
Независимость верхней палаты парламента	Минимальная	Высокая	Средняя	Средняя	Низкая	Низкая
Независимость нижней палаты парламента	Минимальная	Высокая	Средняя	Средняя	Низкая	Низкая
Роль главы гос-ва (президента)	Высокая	Высокая	Высокая	Высокая	Максимальная	Высокая
Роль правительства	Высокая	Высокая	Высокая	Высокая	Высокая	Высокая
Роль федеральных, региональных, местных чиновников	Ограниченно высокая	Ограниченно высокая	Высокая	Высокая	Чрезмерно высокая	Чрезмерно высокая
Независимость СМИ	Минимальная	Высокая	Высокая	Высокая	Низкая	Низкая
Демократичность выборов	Минимальная	Высокая	Средняя	Средняя	Низкая	Низкая
Уровень деятельности власти в интересах большинства	Средний	Средний	Низкий	Низкий	Низкий	Низкий
Уровень деятельности власти в интересах меньшинства	Средний	Средний	Высокий	Высокий	Высокий	Высокий
Разница доходов между наиболее богатыми (10 %) и очень бедными (10–20 %)	Средняя (в 3–5 раз)	Средняя (в 5–6 раз)	Высокая (в 7–8 раз)	Сверхвысокая (в 10–11 раз)	Гипервысокая (в 15–17 раз)	Гипервысокая (> 18–20 раз)

Российское общество ныне – это *транзитивное* (переходное, трансформирующееся) *общество*, которое существенно изменяет «свои социально-культурные, экономические и политические установки»¹. Для него характерен *ценностный полиморфизм*².

Эти изменения и этот полиморфизм в 1990 гг. сопровождаются беспредельным *многоголосием*, которое, к сожалению, осуществлялось преимущественно в форме всеобъемлющего и всепоглощающего *монолога*. Почти все что-то хотели сказать и, имея возможность говорить, говорили. Говорили о себе, о других, о жизни, об экономике, о политике, обо всём сразу или не о чём конкретно. Говорили, как правило, для себя или для всех и редко для кого-то персонально. Одни навязывали что-то другим. Мало кто испытывал жажду слушать и слушал другого. Иногда слушали, но не слышали или не понимали другого. Каждый стремился возразить или объяснить что-то другому, опровергнуть или уточнить другого. Каждый хотел войти, проникнуть в другого, но никто не хотел впускать в себя другого, в свой внутренний мир. Точно так же как и пришедшее на смену многоголосию нынешнее «*моноголосие*» (2000–2010 гг.). Подобную модель «общения», «деятельности» и «отношений» нередко (если не в первую очередь) демонстрирует политическая элита, а за ней и наиболее образованная часть нашего общества, которая несёт большую долю ответственности за всё происходящее в стране. Заражены таким недугом не только политики и чиновники, но в не меньшей мере и учёные, преподаватели, художественная и инженерно-техническая интеллигенция.

Переход к общественному устройству, принципиально отличающемуся от предшествующего, происходит в России неравномерно и болезненно. *Демократия* делает лишь робкие шаги, ограничивается выражением её в вербальной (словесной) форме и сопровождается реальными автократическими действиями. Не успев встать на ноги, она перемежается с автократическими тенденциями не только прошлого, но и настоящего, благодаря усилиям некоторых псевдодемократов оказывается дискредитированной в глазах значительной части общества.

Политика в России ещё не соответствует общепринятым в мировой практике стандартам, не даёт возможности реализовать связанные с ней ожидания. Происходит даже обратное. У многих россиян нарастает политическая апатия, увеличивается доля тех, кто перестает принимать участие в политической жизни. Даже в среде интеллигенции начинают раздаваться голоса о том, что Россия может обойтись и без активного участия граждан в политике, что в переходный период оно вряд ли целесообразно и необходимо.

Однако генеральный путь развития демократии во всем мире, и в России в том числе, предполагает развитие политики и политологии. Без этого мы рискуем надолго остаться в тисках тоталитаризма. Кардинальные общественные

¹ Удальцова М. В. Транзитивное общество и его проблемы // Проблемы социальных взаимодействий в транзитивном обществе: Сборник научных трудов / Под ред. М. В. Удальцовой. Новосибирск, 1999. С. 3.

² Мостовая Е. Б. Ценностный полиморфизм в транзитивном обществе // Там же. С. 42–57.

преобразования, как и развитие самой политологии, возможны лишь на путях демократии, а не автократии.

Такие и им подобные изменения, происходящие в последние годы во всём мире, в том числе и России, значительно актуализируют саму политику и необходимость её изучения. Мировое развитие ныне, больше чем когда-либо, характеризуется возрастанием роли политики в обществе. В массовом сознании укрепляется идея о том, что политика лежит в основе многих общественных явлений, являются одним из важнейших условий их возникновения, что её роль в обществе неуклонно возрастает, что она может служить в нём источником как порядка и стабильности, так хаоса и неустойчивости.

Изучение политики представляет своеобразный вклад в её развитие, является частью разработки программы политических преобразований российского общества. Движение методом «проб и ошибок», экспериментирование на живом социальном организме часто не даёт ожидаемого результата. Поэтому теоретическое осмысление феномена политики выступает важной предпосылкой её совершенствования, перехода России к новому общественному устройству.

Все эти запросы общества и политической практики должна удовлетворить политология. Но для этого необходимы соответствующие условия, политология должна иметь соответствующие возможности. Их возникновение связано с теми *изменениями*, которые произошли во второй половине XX века *в науке* вообще и в социальной науке - в частности.

Наука как всемирный социокультурный феномен, по мнению многих её исследователей, переживает ныне особый этап своего развития – так называемый «постнеклассический этап» (с середины XX в.), пришедший на смену неклассическому этапу (первая половина XX в.), который в свою очередь сменил классический этап её развития (XVII–XIX вв.). Сегодня ей присущи:

возрастание *ориентации на системность, развитие и самоорганизацию* как важнейшие характеристики бытия;

ускорение и углубление *диалога, взаимопроникновения и интеграции* (синтеза) различных внутренне дифференцированных отраслей, направлений, типов и форм научного *знания*, в том числе естественных и социальных наук;

осознание места и роли научного знания как органической *части* всеобщего и целостного мирового *социокультурного процесса*;

ускорение и углубление *проникновения* научных достижений в общественную, производственную *практику*, превращения их в непосредственную производительную силу и решающий источник благосостояния общества;

ускоренное и кардинальное изменение технической базы, *техническое и методическое* (и, следовательно, технологическое) *переоснащение* процесса производства научных знаний (в первую очередь за счёт его компьютеризации);

ускорение, углубление, усложнение, персонализация и одновременно «*коллективизация*» *поиска* научных знаний при нарастании их *формализации* (математизации), *плюралистического многообразия, противоречивости и самокритичности* (осознания их относительности).

На рубеже тысячелетий намечаются существенные *сдвиги* и в сфере распространения научных знаний, *в сфере* среднего и высшего образования. Вы-

званные запросами (потребностями) общества и темпами развития науки, несоответствием сферы образования предъявляемым к ней требованиям, они должны разрешить возникшие противоречия¹. Образование вообще, в том числе политологическое образование, должно достойно ответить на вызов времени. Оно должно, сохранив всё лучшее, что в нём есть, существенным образом модернизироваться. Иначе неминуемы значительные общественные издержки.

Как и любая другая наука, политическая наука, исследующая государство, государственную власть, политику, политическую деятельность и политические отношения, прошла в своём становлении длительный путь. К. Дойч выделяет следующие основные ступени её развития (рис. 3.1.10): философскую (до середины XIX в.), эмпирическую (середина XIX в. – 40-е гг. XX в.), рефлексивную (после второй мировой войны).

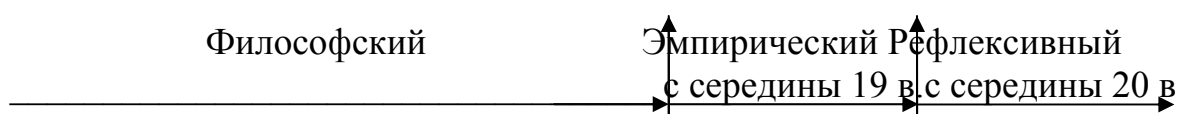

Рис. 1.10. Исторические вехи развития политологии

На *первом этапе* (до середины XIX в.) политическая мысль Запада преимущественно разрабатывалась сначала как *философско-религиозная* и *философско-этическая* политическая теория (Древняя Греция, Древний Рим, Древний Восток), *христианская* политическая теория (с возникновения христианства до Н. Макиавелли), виднейшими представителями которых были Заратустра, Конфуций, Будда, Каутилья, Лао-цзы, Мо-цзы, Шан Ян, Солон, Пифагор, Демокрит, Платон, Аристотель, Эпикур, Полибий, Цицерон, Ф. Аквинский, М. Падуанский, Ибн Хальдун. Затем возникли и развивались такие направления политико-философской мысли, как *гражданско-прагматическая* политическая теория (Н. Макиавелли, Ж. Боден, Г. Гроций, Т. Гоббс, Дж. Локк, И. Т. Посошков, В. Н. Татищев, Ш. Монтескье, Д. Мэдисон), *социально-ориентированная* политическая теория (Ж.-Ж. Руссо, Э. Берк), *либерализм* (Дж. Локк, И. Кант, И. Бентам, Б. Констан, В. Гумбольдт, Дж. Милль, А. Токвиль, Л. Штейн), *утилитаризм* (родоначальник И. Бентам), *позитивизм* (основоположник О. Конт), *социализм* (Т. Мор, Т. Кампанелла, Морелли, Г. Мабли, Г. Бабеф, А. Сен-Симон, Р. Оуэн, Ш. Фурье, О. Бланки), *консерватизм* (Э. Берк, Ж. де Местер, Л. де Бональд, Н. М. Карамзин, С. С. Уваров, А. С. Хомяков, К. П. Победоносцев), *радикализм* (А. Н. Радищев, П. И. Пестель, В. Г. Белинский).

Первый период охватывает политическую мысль древности, средних веков и большую часть нового времени, тогда как второй и третий периоды в основном приходится на XX в., когда исследование государства, государственной власти и политики стало проводиться уже не только в рамках философии,

¹ Гомеров И. Н., Нестеров Ю. А., Турченко В. Н. Научно-техническая революция и молодёжь // Молодёжь, образование и научно-технический прогресс. Новосибирск, 1971; Афросин. П. П., Гомеров И. Н. Повышение эффективности подготовки и использования молодых специалистов // Развитие производительных сил и социально-экономические проблемы трудовых ресурсов Сибири. Новосибирск, 1973.

юриспруденции, социологии или психологии, но и в рамках политологии как относительно самостоятельной науки. Внутри *первого* – философского – *периода* важнейшими его рубежами можно назвать следующие переходы. Во-первых, переход от представлений о государстве, государственной власти и политике в рамках *мифологии*¹ и *политеизма*² к её осмыслению в рамках *монотеизма*³, древневосточных, древнегреческих и древнеримских *религиозно-философских, философско-этических* и *рационально-философских* теорий. Во-вторых, переход от осмысления государства, государственной власти и политики древними философами-рационалистами к её толкованию средневековыми философами, преимущественно *философами-теологами*. В-третьих, переход к *рациональному* осмыслению и исследованию государства, государственной власти и политики в рамках гражданско-прагматических, социально-ориентированных, либеральных, утилитаристских, позитивистских, социалистических, консервативных, радикалистских политико-философских теорий и зарождающейся политической науки нового времени.

Выдвинутые всеми ими идеи относительно феномена государства, государственной власти и политики заслуживают специального и подробного рассмотрения. Здесь же ограничимся констатацией того факта, что в истории политической мысли есть множество разнообразных подходов к определению природы и сущности государства и государственной власти, логики её возникновения и развития, её места и роли в истории человечества. Среди них выделяются несколько особо значимых теорий, на кратком изложении которых мы и остановимся.

2. Политические учения в древнем мире и средних веках (философский этап)

Значительный вклад в осмысление государства, государственной власти и политики внесли такие мыслители Древнего Востока, Древней Греции и Древнего Рима, как Заратустра (Заратуштра, Зороастр), Сиддхартх (Будда, или Просветлённый), Каутилья (Чанакья), Лао-цзы, Конфуций, Мо-цзы, Шан Ян, Солон, Пифагор, Гераклит, Демокрит, Платон, Аристотель, Эпикур, Зенон, Полибий, Цицерон. Среди наиболее заметных фигур средневековья⁴, истолковывающих или осмысливающих государство, государственную власть и политику, отметим Ф. Аквинского, М. Пауданского, Ибн Хальдуна и, конечно, таких исследователей, работающих в эпоху Возрождения⁵, как Н. Макиавелли, Ж. Боден, Г. Гроций.

¹ От греч. *mythos* – «предание, сказание» и *logos* – «слово, учение».

² От греч. *polys* – «многий, многочисленный» и *theos* – «бог».

³ От греч. *monos* – «один, единственный» и *theos* – «бог».

⁴ V в. – середина XVII в.

⁵ XIV–XVI вв. в Италии и XV–XVI вв. в других странах Западной и Центральной Европы.

Наиболее распространённой в истории древнего мира и средних веков была *теологическая*¹, или теократическая, *теория*, которая возникновения государственной власти, каждый её конкретный акт объясняет волей Бога. Она находит отражение в древней мифологии, древнеегипетских, древневавилонских, древнеиндийских, древнекитайских письменных источниках, в учениях Заратустры, апостола Павла, Ф. Аквинского.

Первые попытки такого осмысления феномена государственной власти обнаруживаются уже в мифологии древности. В мифах Египта, Вавилона, Индии, Греции встречается мысль о том, что боги не только являются источником власти правителя, но и сами продолжают осуществлять власть над людьми, выступают в качестве первоначальных непосредственных правителей в созданных ими обществах. В древнекитайской мифологии единственной точкой связи с божественными силами выступает верховный правитель Поднебесной — император Китая. В его особе сконцентрирована вся земная власть, данная ему богами в виде личной потенции и внутренней силы. По мифологической версии власти древних евреев их правителем является единый Бог, находящийся с ними в особом, договорном отношении. Законы, по которым они живут, получены Моисеем от Бога. Обычно власть осуществляется людьми от имени Бога, но в экстраординарных условиях он может применить её и сам. Христианская мифология утверждает, что «нет власти не от Бога», что связь земной жизни с Богом осуществляется только через Иисуса Христа, сына Бога, ставшего Богом. Христианские источники призывали подчиняться властям, ибо тот, кто «противится власти противится божьему установлению».

Естественно-божественное обоснование государственной власти, зародившееся в мифологии, неоднократно воспроизводится в последующем. Например, оно обнаруживается в древнеегипетских «Поучениях Птахотепа» (28 в. до н. э.), «Книге мёртвых» (25–24 вв. до н. э.), «Поучениях гераклеопольского царя своему сыну» (22 в. до н. э.), древневавилонских «Законах Хаммурапи» (18 в. до н. э.), древнеиндийских «Ведах» (2 тысячелетие до н. э.), «Упанишадах» (9–6 вв. до н. э.), «Законах Ману» (2 в. до н. э.)².

Согласно учению *Заратустры* (Персия, 7 в. до н. э.), властные отношения между людьми должны быть земным воплощением небесного царства и служить добру. Государственная власть — это самое холодное и лживое чудовище, «воля к смерти», «смерть народов», идол «лишних людей». Необходимо избегать её «дурного запаха» и сторониться «идолопоклонства лишних людей». Лишь там, где оканчивается государственная власть начинается мост, ведущий к сверхчеловеку³.

Стоики (основатель — Зенон, 336–264 гг. до н. э.) рассматривают государственную власть как естественные образования, порождения судьбы — всеобщего властвующего начала мироздания, «естественного общего закона» всего сущего, имеющего божественный характер и смысл. Для них все люди по своей

¹ От греч. *theos* — «бог» и *logos* — «слово, учение».

² *Древнеиндийская философия: Начальный период*. 2-е изд. М., 1972; *История всемирной литературы*: В 9 т. М., 1983. Т. 1.

³ *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. СПб., 1903.

природе и по закону мироздания – граждане единого мирового государства, космополиса, а каждый отдельный человек – гражданин Вселенной. Лучшей же формой правления является сочетание демократии, царской власти и аристократии.

Доминиканский монах, ученый-богослов *Фома Аквинский* (Thomas Aquinas, 1225–1274 гг.) в своем труде «О правлении властителей» исходит из тезиса «всякая власть от Бога». Но он чётко различает власть духовную и власть светскую, доказывая превосходство первой над второй. Им выделяются три момента власти: её сущность, использование и форма – строение, способы происхождения или овладения. Сущность власти – это отношения господства и подчинения, в которых воля одних людей, находящихся на верху человеческой иерархии, движет другими людьми, находящимися на более низких социальных ступенях. Данные отношения устанавливаются Богом. Способы же овладения властью, её происхождения, устройства и использования определяются людьми, а потому могут быть несправедливыми и несправедными, могут не соответствовать божественным заветам. В последнем случае подданные вправе оказать сопротивление правителю, восстать и свергнуть его. Государство у Ф. Аквинского, как считает его исследователь и переводчик Д. Бигоньери (Bigongiari), является частью вселенской империи, которую создал и которой правит Бог. Её законы являются или могут быть созданы особенными детерминантами свода вечных правил (eternal code) этой империи; а власть, которая придаёт силу этим законам, происходит от Бога¹.

Теологические концепции государственной власти сохраняются до сих пор. Они поддерживаются в современном католицизме, существуют в некоторых арабских государствах, в том числе в Саудовской Аравии, Объединённых Арабских Эмиратах, часть которых официально провозглашены исламскими государствами – Хашимитское королевство Иордания, Исламская республика Иран. Королевство Непал, согласно его Конституции, называется Индуистским. В программах христианско-демократических партий современной Европы содержатся положения, согласно которым государственная власть должна соотноситься с религиозными заветами.

На смену теологической теории государственной власти приходят различные *светские теории*. Отход от естественно-божественного обоснования государственной власти происходит уже в учении *Будды* (Индия, 6–5 вв. до н. э.), который отвергает мысль о Боге как первоисточнике государственной власти, верховном правителе мира. В интерпретации буддистов властные отношения людей формируются их собственными усилиями, а миром управляет дхарма, или дхамма, – природная закономерность, естественный закон. Существует несколько других ранних вариантов светской концепции государственной власти. Среди них следует отметить воззрения *индийской школы* локаяты (6 в. до н. э.), основанные на представлении о регулятивной роли «природы вещей» и естественности правил человеческого поведения. Сюда же необходимо отнести и трактат Каутилья «Артхашастра» (4–3 вв. до н. э.), в котором наряду с дхармой

¹ *История теоретической социологии*: В 5 т. М., 1995. Т. 1. С. 95.

и в соответствии с ней в качестве самостоятельного начала выделяется полезность как определяющая основа и ведущий принцип властно-государственных отношений, политических действий¹.

По *Конфуцию* (Кун-цзы, 55–479 гг. до н. э.), власть императора Китая, или «сына неба», подобна власти отца в семье, а отношения правящих и подданных аналогичны семейным отношениям², установленным на добродетели и ненасильственных методах, где младшие зависят от старших, преданы и послушны им, почитают их. Государство – это большая, разросшаяся семья, в которой установлена развитая форма патриархальной власти, осуществляемая от имени всех и для общей пользы³. Оно должно строиться, беря в качестве модели, образца семью, так как именно в её недрах формируются те человеческие качества, без которых не может обойтись ни правитель, ни подданный. Издревле те, кто хотел управлять государством, прежде всего, упорядочивали свою собственную семью. Тот, кто относится с родственной любовью к своим близким, говорит последователь Конфуция *Мэн-цзы* (372–289 гг. до н. э.), гуманно относится к народу. Глубокое и всеобъемлющее распространение семейной привязанности, и, прежде всего, почтительности к старшим, способно, как считает *Мэн-цзы*, разрешить все больные вопросы общественного устройства. Если подданные рассматриваются в раннем конфуцианстве как дети, то правитель наделяется качествами отца. Такое положение накладывает на правителя обязанность наставлять, обучать и заботиться о благополучии своих детей – подданных. Именно воспитание, а не меры принуждения – основной метод воздействия в государстве, как и в семье. Согласно *Конфуцию*, если управлять при помощи административных мер и устанавливать порядок при помощи наказания, то народ будет пытаться избегать их, не чувствуя стыда. Но если управлять при помощи добродетели и устанавливать порядок при помощи правил благопристойности, у народа появится чувство стыда, и он исправится. Воспитание, прежде всего путём примера, – универсальное средство воздействия на людей, панацея от всех социальных бед. Личные качества людей в государстве, как и в семье, гораздо более существенны, чем какие бы то ни было фиксированные нормы. Для управления государством необходимы и достаточны такие качества, как сыновья почтительность и братская любовь. В государстве должно быть достаточно пищи и оружия, а народ должен доверять правителю. Без доверия народа государство не может устоять. Управляя государством, следует серьёзно относиться к делу и опираться на доверие, соблюдать экономию в расходах и заботиться о людях. Государь использует чиновников, следуя ритуалу, а чиновники служат государю, основываясь на преданности. Те, кто называются великими сановниками, служат государю, исходя из правильных принципов. Если

¹ *Древнеиндийская философия: Начальный период.*

² Здесь *Конфуций* в определённой мере проявляет себя как предвестник патриархальной теории государства и государственной власти нового времени.

³ Одним из терминов, обозначающих государство, в древнем Китае стало слово «го-цзя», буквальный перевод которого «государство-семья».

они не могут так поступать, то уходят в отставку. Необходимо выдвигать людей прямых и отстранять лживых¹.

Критиком традиционно-теологического толкования государства и государственной власти в Древнем Китае становится также *Лао-цзы* (6–5 вв. до н. э.). Согласно его взглядам, государственная власть, как и всё в мире, в том числе небо, природа, общество, определяется дао – независимой от небесного владыки естественной закономерностью, олицетворением высшей добродетели и естественной справедливости. Все искусственно-человеческие, т. е. неестественные, установления в сфере государственной власти – это отклонение от дао и ложный путь. Человек, в том числе и правитель, в отношениях с людьми должен быть дружелюбным, в словах – искренним, в управлении государством – последовательным, в делах – исходить из возможностей, в действиях – учитывать время, руководя – не считать себя властителем. Лучший правитель тот, о котором народ знает лишь то, что он существует. Несколько хуже те правители, которые требуют от народа его любить и возвышать. Ещё хуже те правители, которых народ боится, и хуже всех те правители, которых народ презирает. Когда в государстве царит беспорядок, тогда появляются «верные слуги». Государственная власть не должна выставлять напоказ свои собственные методы управления. Когда в государстве много запретительных законов, народ становится бедным. Когда растут законы и приказы, увеличивается число воров и разбойников. Наведение порядка в государстве надо начинать тогда, когда ещё нет смуты. Трудно управлять народом, у которого много знаний. Народ в государстве голодает потому, что власти берут много налогов. Пусть государство будет маленьким, а население редким. Пусть соседние государства смотрят друг на друга, слушают друг у друга пение петухов и лай собак, а люди до самой старости и смерти не посещают друг друга².

Мо-цзы (479–400 гг. до н. э.), выступая против конфуцианства и даосизма, выдвигает идею естественного равенства всех людей, принадлежности народу верховной власти, которая, как и государство, имеет договорное происхождение³, должна опираться не только на насилие и наказание, но и нравственные формы воздействия. В отличие от Конфуция, он рассматривает идеальное государство не как семью, а как подобное машине состояние общества, которое приходит на смену его примитивному хаотическому состоянию без управления, когда люди избрали самого умелого и способного человека в Поднебесной и поставили его сыном неба. Все единообразные части этой машины, как по команде, приводятся в движение волей находящегося у кормила государства правителя. Всё, что сверху признаётся правильным, должно быть признано таковым и снизу, тех же, кто не следует этому правилу, должны сурово наказывать-

¹ *Древнекитайская философия. Собр. текстов: В 2 т. М., 1972. Т. 1. С. 5–76, 139–174, 225–247; Конфуций. Уроки мудрости: Соч. Москва; Харьков, 2000; Переломов Л. С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М., 1981; Рубин В. А. Традиции китайской политической мысли // Вопр. философии. 1970. № 5. С. 90–92.*

² *Древнекитайская философия. Т. 1. С. 5–76, 114–138.*

³ Здесь Мо-цзы проявляет себя как предвестник договорной теории государства и государственной власти нового времени.

ся. В «государстве-машине» управление является специальностью, ремеслом. Универсальный метод этого ремесла – награды и наказания, при помощи которых можно найти умных и способных администраторов и добиться идеального функционирования государственного аппарата. Основным мотивом администратора, который продаёт своё умение за оклад, является материальная заинтересованность. Государственная машина должна помогать людям: «накормить голодных, согреть мёрзнувших и дать отдых усталым»¹.

Шан Ян (Гунсунь Ян, 390–338 гг. до н. э.) доказывает, что властные отношения между людьми в государстве носят антагонистический характер по принципу «кто кого», опираются на жестокие законы, суровые наказания, насилие, коллективную ответственность, круговую поруку и тотальную взаимную слежку подданных. Государство нужно не народу, а правителю для того, чтобы подчинить себе народ, использовать его для завоевания гегемонии в доступном ему мире – в Поднебесной. Слабый народ – значит сильное государство, сильное государство – значит слабый народ. Ослабление народа, следовательно, главная задача государственной власти, идущей правильным путём. Народ имеет ценность лишь как средство в руках правителя. Изданный правителем и обязательный для всех закон (*фа*) должен быть единственной нормой, регулирующей жизнь подданных при помощи до мелочей разработанной системы наград и наказаний, заменяющей собой традиции нравственности, религии и культуры. Достаточно ввести такой закон, чтобы была обеспечена сильная власть в государстве и его укрепление².

Заметная рационализация представлений о государственной власти происходит в *Древней Греции*³. Мифологические и теологические представления постепенно заменяются здесь формирующимся философским подходом знаменитых «семи мудрецов» VII–VI вв. до н. э.⁴, Пифагора (580–500 гг. до н. э.) и пифагорейцев⁵, Гераклита (530–470 гг. до н. э.) и Демокрита (460–370 гг. до н. э.). На смену философскому подходу приходят рационалистические интерпретации старших⁶ и младших⁷ софистов (V–IV вв. до н. э.), которые, в свою очередь, сменяются понятийно-логическим анализом Сократа (469–399 гг. до н. э.) и Платона (427–347 гг. до н. э.), зачаточными формами эмпирико-научного (Аристотель; 384–322 гг. до н. э.) и историко-политического (Полибий; 210–128 гг. до н. э.) исследования государственной власти.

¹ *Древнекитайская философия*. Т. 1. С. 5–76; 175–200; *Рубин В. А.* Указ. соч. С. 94–96.

² *Древнекитайская философия*. Т. 1. С. 5–76; М., 1973. Т. 2. С. 210–223; *Переломов Л. С.* Указ. соч.; *Рубин В. А.* Указ. соч. С. 96–99.

³ *Досократики*. Минск, 1999; *Лосев А. Ф.* История античной эстетики (ранняя классика). М., 1963; *Он же*. История античной эстетики. Софисты, Сократ, Платон. М., 1969; *Он же*. История античной эстетики. Высокая классика. М., 1974; *Он же*. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. М., 1975; *Нерсисянц В. С.* Политические учения Древней Греции. М., 1979. Другие источники см. ниже.

⁴ Фалес, Питтак, Периандр, Биант, Солон, Клеобул и Хилон.

⁵ Архит, Лизис, Филолай.

⁶ Протагор, Горгий, Продик, Гиппий, Антифонт и др.

⁷ Фрасимах, Калликл, Ликофрон и др.

Солон (638–559 гг. до н. э.), который вводит в Афинах умеренную цензовую демократию, выдвигает идею приоритета власти закона, характеризовал её как сочетание права и официальной силы государства-полиса (ничего общего не имеющей с физической силой борющихся частных лиц или их группировок). *Пифагорейцы* считают, что человек по своей природе не может обойтись без власти, которая должна быть справедливой, воздающей «равным за равное». *Гераклит* различает власть человеческих законов и власть единого божественного закона – логоса, которая простирается «насколько желает», людей мудрых и неразумных, лучших и худших, жизнь и законы которых должны следовать логосу – единому божественному закону, а их своеволие должно гаситься «скорее, чем пожар». Он выступает за правление лучших людей – не аристократов крови, а тех, кто способен понять логос, и критикует демократию, в которой, по его мнению, лучшие люди, то есть те, кто способен понять логос, не имеют должного места.

По *Демокриту*, человеческое общество, государство и властные отношения в нём появляются как естественно необходимый, а совсем не случайный результат длительного эволюционного изменения первоначального природного состояния, как созданные искусственно, а не данные природой. Хорошо управляемое государство требует единения его граждан – мира, братства, взаимного сочувствия, взаимной помощи и защиты, а не борьбы или войны между ними. Оно является их величайшим оплотом и заботой. В нём должны быть представлены общее благо и справедливость. По своей природе государственная власть свойственна лучшим, т. е. обладающим высокими умственными и нравственными качествами, а не худшим, т. е. глупым и безнравственным, людям. Последним из них следует «лучше повиноваться, чем повелевать». Дурные граждане из-за своей небрежности, глупости и наглости не достойны почётных государственных должностей. Демокрит поддерживает и развивает идею аристократии духа, не отвергая демократии, при которой, по его мнению, даже хорошие правители ответственны перед управляемыми ими людьми и потому нередко испытывают несправедливость. Законы, чтобы обеспечить благоустроенную жизнь граждан в государстве, не могут действовать сами по себе. Они предполагают повиновение и соответствующих усилий со стороны обычных граждан, но не со стороны мудрых, которым законы не нужны и которым «должно жить свободно»¹.

Протагор (481–411 гг. до н. э.) выдвигает важнейший методологический принцип осмысления мира, в том числе государственной власти: «Мера всех вещей – человек», который разделили многие древнегреческие софисты, а также сторонники антропоцентризма – философского течения второй половины XIX в., рассматривающего человека в качестве центра и цели мироздания, и представители современного «антропного принципа»². Это позволило ему сделать вывод о правомерности и справедливости демократического строя. *Анти-*

¹ Лурье С. А. Демокрит. Л., 1970; Петрушев В. А. Учение Демокрита о государстве и праве: Автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 1985.

² От греч. *anthropos* – «человек» и лат. *principium* – «начало».

фонт (около 400 г. до н. э.) различает искусственные «законы полиса» и естественные «законы природы», отдавая предпочтения вторым, так как «многие [предписания, признаваемые] справедливыми по закону, враждебны природе [человека]» и даже полезные установления служат оковами человеческой природы. С его точки зрения, «у всех людей нужды одинаковы». Поэтому все люди – эллины и варвары, благородные и простые – равны по своей природе, а неравенство между ними проистекает из человеческих законов – законов полиса.

Согласно *Фрасимаху*, одному из первых младших софистов, государственная власть, а также политика – это сфера проявления человеческих интересов и сил, человеческой, а не божественной деятельности. Понятие государственной власти у него тесно связано с понятием силы и насилия, а понятие «сильнейшие» одинаково характеризует всех правителей. Выгода сильнейшего из людей – важнейший принцип его власти над другими людьми и реальный критерий политики. В каждом государстве власть устанавливает законы в свою пользу, объявляя их справедливыми. Обладание властью даёт значительные преимущества властвующему человеку в отношении других людей, а несправедливость в политических отношениях оказывается целесообразнее и выгоднее справедливости. Более того, даже в сфере нравственности господствуют представления тех, у кого сила и государственная власть. *Калликл*, другой представитель младших софистов, считает, что и среди животных, и среди людей, и среди государств, и среди народов, всюду действует природный закон естественного права силы: сильный повелевает слабым и стоит выше слабого. *Ликофрон*, ещё один младший софист, отстаивает договорную теорию государства и государственной власти, рассматривая их как результат договора между равными по природе людьми о взаимном союзе.

Сократ поднимает обсуждение проблем государственной власти на уровень понятий и дефиниций¹, понятийно-логического анализа, положив тем самым начало собственно философско-теоретического их осмысления. В отличие от софистов, он считает, что естественное право и полисный закон имеют разумное начало, что законное и справедливое совпадают друг с другом. По Сократу власть должна принадлежать людям знающим и умеющим править. Как благоустроенные государства, управляемые в то время хорошими законами, оценивает он аристократические Спарту и Крит, умеренно-олигархические Фивы и Мегары, критикуя как тиранию, так и «крайнюю» демократию родных Афин.

Платон (Platonis) одним из первых указывает на связь между различными человеческими потребностями, разделением труда, возникновением общества, государства и характером государственной власти, анализирует существующую и тщательно обосновывает проектируемую им идеальную сословную иерархию общества, определяет государство-полис как совместное поселение, обусловленное общими потребностями. По его мнению, «каждый человек привлекает то одного, то другого для удовлетворения той или иной потребности. Испытывая нужду во много, многие люди собираются воедино, чтобы обитать сообща и

¹ Лат. *definitio* – «определение».

оказывать друг другу помощь», а «такое совместное поселение и получает... название государства». Государственная власть, а также политика, понимаются Платоном как искусство, требующее знаний и умений управлять людьми. Он различает «повелевание неодушевленными видами и одушевленными существами», «насильственную власть закона» и «добровольное ему подчинение», власть между благородным и неблагородным, старшим и младшим, господином и рабом, сильным и слабым, разумным и несведущим. Платон выделяет следующие критерии классификации форм государственной власти, государственного правления: *количественные*, по количеству властвующих людей, и *качественные*, по наличию или отсутствию общего блага, справедливости, законности, добродетели. По Платону, в государстве может существовать *власть одного*, т. е. монархия – царская власть и тирания, *власть немногих*, т. е. аристократия, тимократия и олигархия, и *власть большинства*, т. е. демократия, с законами или без законов. Смена властных форм, согласно Платону, происходит как результат продолжительных изменений в образе жизни народов, особенно изменений в способах добывания средств к существованию, как кругообращение внутри определенного цикла. Рано или поздно каждая из них гибнет из-за внутренних противоречий, злоупотреблений ее собственными принципами, например: тимократия – военными успехами, олигархия – богатством, демократия – свободой. Вырождение аристократии, или власти лучших, мудрых и благородных, приводит к появлению тимократии, или власти сильнейших воинов, тимократии – к олигархии, или власти небольшой группы богатых, олигархии – к демократии, или власти народа, включая бедняков, демократии – к тирании, основанной на вероломстве и насилии власти «ставленника народа», выход из которой связан с возвратом к власти лучших – аристократии. В идеальном государственно-общественном устройстве Платона власть основана на совмещении демократического принципа «арифметического» равенства, т. е. выбора по большинству голосов, и монархического принципа «геометрического» равенства, т. е. выбора по заслугам и достоинству, а также принципов справедливости, законности, мудрости и благородности – «аристократии духа», но не «аристократии крови». Должностные лица и органы государственной власти избираются путем многоступенчатых выборов. Они обязаны действовать строго в соответствии с законом, быть «стражами закона». Кандидаты проходят докимасию – своеобразную проверку правомерности их притязаний¹.

Согласно *Аристотелю* (Aristoteles), государство подобно семье² или селению как естественным и первичным формам общения, но по сравнению с ними оно есть его высшая и совершенная форма, включающая их в свой состав, есть целостное единство множества составляющих его элементов, представляет собой особого рода организацию, объединяющую определённую совокупность граждан. Гражданином же является тот, кто может участвовать в законосовещательной и судебной власти соответствующего государства. Аристотель,

¹ Платон. Соч.: В 3 т. М., 1971. Т. 3. Ч. 1; М., 1972. Т. 3. Ч. 2; Нерсисянц В. С. Платон. М., 1984.

² Здесь Аристотель в определённой мере проявляет себя как предвестник патриархальной теории государства и государственной власти.

впервые в истории применяя эмпирические методы наблюдения и индукции, пытается исследовать государство, государственную власть, а также политику всесторонне, пытается создать политическую науку и увязать её с этикой. Он рассматривает государство и государственную власть как явление естественно-природное, возникающее вследствие природного влечения людей к общению друг с другом, к совместной жизни, ибо человек «по природе своей существо политическое». Аристотель считает, что в идеальном, или лучшем, государстве население должно быть достаточным и легко обозримым, а территория – достаточной для удовлетворения умеренных потребностей, хорошо ориентированной по отношению к морю и материку. Государственное правление здесь должно быть правлением закона, а не людей, так как даже лучшие правители подвержены чувствам и аффектам, в отличие от закона, который представляет собой «уравновешенный разум». Государственная власть, по Аристотелю, исходит из отношений свободы и равенства, принципиально отличаясь этим от отцовской власти над детьми и от господской власти над рабами как элементом семейных отношений. Формы власти классифицируются им по числу правящих и по осуществляемой ими цели – общего блага граждан или личной выгоды: *власть одного* – монархия и тирания, *власть немногих* – аристократия и олигархия, и *власть большинства* – полития и демократия. Он резко критикует ту форму демократии, в которой верховная власть принадлежит демосу, а не закону, но одобряет умеренную цензовую демократию, основанную на господстве закона, примирении бедных с богатыми, и которая может успешно функционировать лишь при опоре власти на средние слои общества – средне зажиточных свободных граждан. Политическая справедливость служит у него нормой политических отношений между людьми. Она возможна лишь между свободными и равными людьми, принадлежащими одному сообществу. Если же таковая в государстве отсутствует, то в нём могут возникнуть возмущения, перевороты, мятежи, которые имеют свои причины и поводы и которые можно предотвратить соответствующими способами. Не соглашаясь с мнением Платона о том, что демократия переходит только в тиранию, Аристотель, основываясь на исторических фактах, показывает, что демократия, хотя и может переходить в тиранию, но всё же чаще всего переходит в олигархию¹.

Эпикур (341–270 гг. до н. э.) трактует государство и власть в нём как результат договора людей между собой об их общей пользе – взаимной безопасности, преодолении взаимного страха, не причинении вреда друг другу². Он был противником крайней демократии, резко противопоставлял «мудрого» человека – «толпе». Его этике более всего соответствовала умеренная демократия, в которой господство законов сочетается с максимально возможной свободой и автономностью каждого гражданина.

У Полибия властные отношения между людьми в государстве порождаются, как и у стоиков, судьбой, но, в отличие от стоиков, судьбой исторической –

¹ Аристотель. Соч.: Т. 4.

² Здесь Эпикур проявляет себя как предвестник договорной теории государства и государственной власти.

внутренней закономерностью единого циклического исторического процесса. Первоначально (в истоках человеческого общежития), согласно непререкаемому порядку самой природы, властвующим над людьми становился тот из них, кто превосходил всех других своей физической и душевной силой. Но затем власть становится наследственной – царской, превращается последовательно в тиранию, аристократию, олигархию, демократию, охлократию, возвращаясь к исходному состоянию¹.

Древнеримский мыслитель *М. Т. Цицерон* (Сісего, 106–43 гг. до н. э.) полагает, что государство и государственная власть в нём представляют собой выражение и форму защиты общего интереса, общей пользы всех его свободных членов, их правового общения между собой, естественного «общего правопорядка». Применение государственной власти требует «равномерного распределения прав, обязанностей и полномочий», предполагает сочетание науки и искусства. Властители должны быть мудрыми, справедливыми, воздержанными, красноречивыми, сведущими в делах, «владеть основами права» и следовать закону. Им необходимо не только обладать знаниями и добродетелями, но и уметь использовать их на практике для общего блага².

Абу Наср аль Фараби (870–950 гг.) отстаивает мысль о том, что в основе возникновения государства и государственной власти лежат естественные потребности людей, наилучшему удовлетворению которых она и должна служить³. *Абу-аль-Ала-аль-Маарри* (973–1057 гг.) выдвигает идею верховенства власти народа, выборности им правителя в качестве народного слуги и выразителя народных интересов. *Мхитар Гош* (1133–1213 гг.) основой норм властных отношений в государстве считает естественный закон, на который опираются религиозные предписания, выступает сторонником сильной централизованной власти, задачу которой видит в наблюдении за исполнением законов и порядком в обществе. *Марсилий Падуанский* (1275–1343 гг.) ответственность за все беды и несчастья мира возлагает на церковную власть, которая, согласно его представлениям, должна быть отделена от светской власти и подчинена ей. Светская же власть возникает в процессе усложнения форм человеческого общежития. Источником и той, и другой является народ как единственный носитель суверенитета и верховный законодатель. Властители должны быть непременно связаны законами, издаваемыми выборной властью, и действовать, опираясь на авторитет законодателя.

Ибн Халдун (1332–1406 гг.), используя метод наблюдения и логического мышления, даёт социологическое объяснение государства и государственной власти, выводит их из общественной связи и условий жизни людей, деления труда и способа производства, или формы хозяйства, считает потребность в ней одним из отличительных признаков человека. В примитивной, или «сельской»,

¹ Мирзаев С. Б. Полибий. М., 1986.

² Цицерон М. Т. Избр. соч. М., 1975; Диревнин А. А. Учение Цицерона о государстве и праве: Автореф. дис. канд. юрид. наук. М.; 1985; Утченко С. Л. Цицерон и его время. 2-е изд. М., 1986.

³ Джахид А. Абу-Наср аль Фараби о государстве. Душанбе, 1966; Такулаев А. Н., Сапаргалиев Г. С. Государственно-правовые взгляды аль-Фараби. Алма-Ата, 1975.

кровнородственной форме общественной организации источник власти традиционно морален, поскольку исходит из общественной связи. Предводитель здесь – только первый среди равных; за ним следуют без принуждения. Цивилизованному, или «городскому», состоянию общества соответствует владычество – «верховенство и властвование с помощью принуждения». Поскольку один человек владычествовать не в силах, он опирается на созданную им группировку, которая поначалу состоит из членов его рода, а затем из людей, служащих ему за деньги. Эти властвующие группировки периодически меняются, совершая своеобразное кругообращение. Между ними и другими общественными группами возникают конфликты, которые являются движущей силой развития. На общественно-политическую жизнь людей существенное влияние оказывают климатические условия. В частности, лишь в странах с умеренным климатом они способны заниматься культурной деятельностью. Жители же холодных стран не имеют для этого возможностей, так как вынуждены всю свою энергию затрачивать на добычу пищи, изготовление одежды и постройку жилья, тогда как жители жарких стран, наоборот, получая пищу от природы в готовом виде, не нуждаясь в одежде и жилье, лишены соответствующих побудительных стимулов.

Никколо Макиавелли (Machiavelli, 1469–1527 гг.) вносит выдающийся вклад в становление естественно-научного подхода к исследованию государственной власти. Он выступает против теологических представлений о ней, рассматривал её в динамике, как объект опытной науки, как результат объективной исторической необходимости и закономерности – судьбы, определённых обстоятельств и условий жизни, т. е. ситуации, и одновременно как проявление свободной и самостоятельной воли людей, их личной энергии – силы, доблести, предприимчивости. Не существует государственной власти вне времени и пространства. Нет неизменно хороших и неизменно плохих методов осуществления государственной власти. Есть только методы, адекватные и неадекватные конкретной ситуации. В основе властных отношений в государстве лежат эгоистические человеческие стремления к материальным выгодам и самосохранению, реальные качества людей, расстановка и движение борющихся в обществе сил, интересов и страстей, а не христианская мораль. Политическая практика такова, что цель здесь оправдывает средства, а моральные критерии есть нечто второстепенное и подчинённое. Как показывает опыт, властители, достигшие успеха, не считаются с обещаниями, действуют хитростью и обманом, не обнаруживают своих намерений, никому не доверяют, прибегают к насилию и коварству, соединяют в себе качества льва и лисицы. Всякая абсолютная власть быстро развращает как властвующего человека, так и подвластных ему людей. Форма, структура, организация государственной власти определяется её содержанием, или «материей», качественным и количественным состоянием её элементов, а также зависит от множества других факторов: экономических, военных, территориальных, географических, демографических, этнических, психологических. Существуют правильные, т. е. монархия, аристократия, демократия, и неправильные, т. е. тирания, олигархия, «распушенность», властные

формы, являющиеся результатом определённого соотношения борющихся в обществе сил¹.

Жан Боден (Bodin, 1530–1596 гг.) определяет государственную власть как «управление множеством семейств и тем, что является общим у них всех, осуществляемое суверенной властью сообразно праву». Государственная власть возникает посредством договора между людьми, должна заботиться о мире внутри государства, истинном счастье его членов и его защите от нападений извне. Наиболее существенной отличительной чертой государственной власти является её суверенность. Во-первых, эта власть есть «высшая власть повелевать», власть верховная, верховенствующая над всеми другими властями, не допускающая никаких властных органов, конкурирующих с ней или стоящих над ней. Во-вторых, это есть абсолютная – неограниченная какими-либо условиями или законами – власть. В-третьих, это есть постоянная власть – власть, не установленная на определённый срок, а существующая неизменно по собственному праву в течение неопределённо долгого срока. В-четвёртых, это есть целостная, единая и неделимая власть, даже если она и устроена сложно. В-пятых, это есть власть, издающая законы, обязательные для всех подданных и учреждений государства. В-шестых, это есть власть, осуществляющая назначение должностных лиц. В-седьмых, это есть власть, действующая в качестве высшего суда – суда в последней инстанции. Эта власть не должна распространяться на область отношений, обусловленных божественными и естественными законами – частную собственность, семейные отношения, личные права и свободы. В её организации определённую роль играет географическая среда. Она отличается от управления – некоторых властных функций, осуществляемых по поручению носителя суверенной власти назначаемыми им должностными лицами. Последняя может быть «смешанной», может допускать участие в ней народного собрания, тогда как суверенная власть – нет. В зависимости от способа осуществления власти государства могут быть поделены на три вида: законные, вотчинные и тиранические. Лучшим является то государство, в котором суверенитет принадлежит монарху, а управление имеет аристократический и демократический характер. В определённой мере взгляды Ж. Бодена предвосхищают многие идеи последующих мыслителей, в том числе идеи, которые легли в основу договорной и патриархальной теорий государства и государственной власти нового времени. Он обращает внимание на необходимость учитывать в политике географические условия, различия территорий по их климату, считает, что благодаря особенностям места своего проживания северные народы имеют преимущества перед южными народами, а горные народы перед долинными.

Гуго Гроций (Grotius, 1583–1645 гг.), следуя идеям Аристотеля и Цицерона, рассматривает государство как соглашение большинства слабых против меньшинства сильных, как «совершенный союз свободных людей, заключённый ра-

¹ *Макиавелли Н.* Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. Ростов-на-Дону, 1998; *Баткин Л. М.* Макьявелли: опыт и умозрение // *Вопр. философии.* 1977. № 12; *Темнов Е. И.* Макиавелли. М., 1979.

ди соблюдения права и общей пользы»¹, пришедший на смену их «естественному состоянию», в котором отсутствовала частная собственность, люди находились «в некой чрезвычайной взаимной приязни» и «великой простоте», пользовались «общностью имущества». После того как произошёл переход к развитому ремеслу, частной собственности, распределению среди людей движимого и недвижимого имущества, в отношениях между ними ослабли справедливость и взаимная приязнь, «ни в труде, ни в потреблении плодов не сохранилось должного равенства». Это, в свою очередь, привело к тому состоянию, когда «люди объединились в государство» «не по божескому повелению, но добровольно, убедившись на опыте в бессилии отдельных рассеянных семейств против насилия, откуда ведёт своё происхождение гражданская власть». Тем самым Г. Гроций выделяет понятие гражданской (государственной. – *И. Г.*) власти как нравственной способности и права управления обществом, атрибута государственности, появляющегося одновременно с рождением государства. Эта власть является суверенной, или верховной, если её действия не подчинены другой власти и не могут быть чужой властью отменены, и это составляет важнейший отличительный признак государства. Она может иметь ряд носителей – всё общество, нескольких лиц, одно лицо, может приобретаться теми же способами, что и права собственности.

Иван Тихонович Посошков (1652–1726 гг.) последовательно проводит идею сильной неограниченной и независимой от других централизованной власти, обеспечивающей «общее благо» и примирение враждующих общественных сил. Согласно взглядам *Василия Николаевича Татищева* (1686–1750 гг.), «по естеству» своему человек является вольным существом. Но для его пользы необходима «узда неволи». Она бывает трёх видов: узда «по природе», или отеческая власть, необходимость подчиняться родителям, узда «по своей воле», или происходящая из нужды и основанная на нерасторжимом договоре, например, договоре между слугой или холопом с господином, и противоправная узда «по принуждению», или насильственное лишение воли, «когда кто пленён и в рабстве содержится будет». Воспроизводя классификацию властных форм Аристотеля и Полибия, Татищев обосновывает выбор лучших форм в зависимости от размеров властной территории и культуры её населения. Для городов и малых областей лучшими формами власти являются полиция и демократия, для величайших областей, окруженных морем или непроходимыми горами, защищенных от нападения, населенных просвещенным народом – аристократия, для великих областей с открытыми границами и непросвещённым народом, например, для России – монархия².

¹ Здесь Г. Гроций, как и Ж. Боден, выступает предшественником договорной теории государства и государственной власти нового времени.

² Баркалов В. Я. История политических учений в России XI-XVIII вв. Барнаул, 1992.

3. Политические учения в новое время (философский этап)

Выдающимися исследователями государства, государственной власти и политики в новое время¹ являются Т. Гоббс, Б. Спиноза, Дж. Локк, И. Т. Посошков, В. Н. Татищев, Ш. Монтескье, Ж. Ж. Руссо, И. Кант, И. Бентам, Б. Констан, Г. Гегель, О. Конт, Л. Штейн, К. Маркс, Р. Иеринг, Г. Спенсер, Б. Н. Чичерин, Л. Гумплович, Ф. Ницше, Г. Еллинек, М. М. Ковалевский, Н. М. Коркунов.

Одной из разновидностей светских теорий государства и государственной власти является *договорная*, контрактная², или консенсусная³, *теория* нового времени. Её предвестниками в древнем мире и позднем средневековье являются, как уже отмечалось, Мо-цзы, Ликофрон, Эпикур, Ж. Боден, Г. Гроций. В новое же время её сторонниками становятся Т. Гоббс, Б. Спиноза, Дж. Локк, Ф. Прокопович, Ж. Ж. Руссо, П. Гольбах, И. Кант, А. Н. Радищев. В ней государство и государственная власть понимаются как результат своеобразного договора, контракта, соглашения, согласия, консенсуса о правилах совместного проживания между людьми, о правах и обязанностях между суверенным властителем и его подданными или гражданами, как результат преодоления «естественного состояния» общества.

Классиком такого подхода по праву считается *Томас Гоббс* (Hobbes, 1588–1679 гг.), который в основу своей теории государства и государственной власти ставит человеческого индивида, обладающего соответствующей природой. С точки зрения Т. Гоббса, изначально все люди созданы равными в отношении физических и умственных способностей. Каждый человек имеет одинаковое с другими «право на всё». В человеческой природе заложены различные силы – влечения, аффекты, волнения, страсти, способности души. Одни из них – в частности, эгоистичность, жадность, честолюбие, зависть – ввергают людей в пучину «естественного состояния» «войны всех против всех» и представляют собой негативные силы. Другие – прежде всего, страх смерти, инстинкт самосохранения, способность здраво рассуждать о позитивных и негативных последствиях своих действий – побуждают их находить выход из такого состояния и представляют собой позитивные силы. Чтобы люди могли действовать в соответствии с этими последними, т. е. позитивными, силами и ни в коем случае не в соответствии с первыми, т. е. негативными, силами, нужна власть как особая сила, способная лимитировать права каждого на всё и решать, что кому принадлежит, что является правом, а что им не является. Т. Гоббс определяет власть как возможность людей овладеть очевидными будущими благами, «как право владения», «как право повелевать», как некоторую «возможность», отличную от её исполнения, или действия, т. е. управления, и от права и возможности производить это исполнение, эти действия, т. е. полномочий. Он различа-

¹ С середины XVII в. до конца XIX в.

² От лат. *contractus* – «договор».

³ Лат. *consensus* – «согласие, единодушие».

ет «людей у власти» и «абстрактное» «седалище власти», власть, приобретенную путём рождения, и власть, приобретенную путём завоевания, семейную и государственную власть. Последняя из них выступает как верховная, абсолютная, безграничная власть, полностью, а не частично воплощённая, сосредоточенная в лице, т. е. личности, суверена, использующего силу и средства всех людей, как власть, которая не может быть им ни с кем поделена и ни кому передана. Её возникновение происходит либо путём приобретения с помощью физической силы, либо путём добровольной взаимной договорённости, согласия между людьми подчиняться ей в надежде, что она сумеет защитить их против всех. Она является гарантом мира, преодоления «разнузданного состояния безвластия», «войны всех против всех» и реализации естественных законов, принуждая людей выполнять их путём издания гражданских законов, опирающихся на силу, соответствующие наказания и награды¹.

Бенедикт Спиноза (Spinoza, 1632–1677 гг.) считает необходимым создание реалистически ориентированной теории государства и государственной власти, причины и естественные основы которых следует выводить из общей природы или строя самих людей. По его мнению, эта теория должна исходить из представлений о человеке как такой частичке природы, на которую распространяются все естественные, т. е. природные, закономерности. Люди здесь должны рассматриваться такими, каковы они есть, а не такими, какими их хотели бы видеть теоретики. В своём естественном состоянии все они – умные и глупые, сильные и слабые – равны, одинаково имеют право на всё, прежде всего на самосохранение, достижение своих желаний и безопасное существование, но реальное содержание и объём этих естественных прав у каждого из них различны и зависят от размера его физических и умственных сил. В таком, т. е. естественном, состоянии, вне государства, вне верховной, или суверенной, и общей для всех них власти это право не может быть обеспечено. Согласно Б. Спинозе, все – и варвары, и цивилизованные – люди повсюду находятся в общении друг с другом, стремятся жить в определённом гражданском состоянии, государстве, целостном сообществе, обуздать индивидуальное своеволие и следовать общей воле. Эта общая, совокупная воля и «мощь народа», как определённое функционирующее начало, выступает в качестве верховной власти, составляет самую суть и отличительный признак государственно-устроенного общества, или гражданского состояния, неизмеримо превосходит силы и волю отдельно взятого человека. Границы её авторитета и возможностей целиком определяются границами её реальной силы, а также «мощью народа», природой самих подданных, которые признают власть государства лишь в той мере, в какой они боятся его угроз или любят гражданское, т. е. государственное, состояние. Лишь она одна устанавливает общеобязательные в данном обществе предписания, критерии справедливости и несправедливости, выступает единственным судьёй действий людей, рано или поздно становится в некотором роде самостоятельной силой по отношению к ним, начинает жить по своим собственным правилам. Государственная, или верховная, власть необходима для согласной жизни

¹ Гоббс Т. Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 1; М., 1991. Т. 2.

людей и сдерживания их в определённых границах. Её конечная цель состоит в том, чтобы освободить каждого человека от страха, обеспечить его безопасность и возможность наилучшим образом удерживать своё естественное право на существование и деятельность без вреда себе и другим людям. В зависимости от меры реализации этой цели, Б. Спиноза различает и описывает три формы верховной, или государственной, власти: монархию, аристократию и демократию, не признавая тиранию и любую власть, установленную путём завоевания. Отдавая предпочтение демократии, он считает приемлемыми и некоторые другие властные формы. Во-первых, это усовершенствованная форма монархии, в которой, по его мнению, должен существовать многочисленный совет, избираемый на несколько лет самим государём из всех слоёв и родов граждан. Во-вторых, это федеративная форма аристократии, в которой верховная власть должна сосредотачиваться не в одном, а во многих городах, делиться между ними как членами федерации, находиться у большого числа патрициев, членов специального правящего совета, избираемых не всем народом, а такими же патрициями, число которых должно относиться к численности народа примерно как один к пятидесяти. В демократии каждый является равным всем остальным, как он был равным прежде – в естественном состоянии. Правители, за исключением несовершеннолетних, иностранцев, женщин, преступников, рабов, должны здесь не избираться, а определяться законом, изначально установленным самим народом. Отвергая в принципе право подданных на сопротивление властной деятельности, Б. Спиноза допускает его в тех случаях, когда властвующие нарушают договоры и законы, учреждающие, или конституирующие, государство¹.

Джон Локк (Locke, 1632–1704 гг.) один из первых формулирует либеральную концепцию организационных, этических и правовых оснований государства и государственной власти. По Дж. Локку, существует четыре различных, следующих один за другим этапа в жизни людей: во-первых, естественное состояние, во-вторых, начавшееся разлагаться естественное состояние, в-третьих, нормальное общественное состояние, которое сохраняет все лучшие черты естественного состояния, а также, в-четвёртых, отклоняющееся от нормы общественное состояние. В отличие от Т. Гоббса, он считает, что общество сложилось до государства, что в естественном предгосударственном состоянии господствует равенство, нет «войны всех против всех», отсутствуют властные органы, способные решать споры между людьми и осуществлять наказание нарушителей естественных законов. Здесь «всякая власть и всякое право являются взаимными, никто не имеет больше другого», люди ни у кого не испрашивают разрешения и не зависят ни от чьей воли, свободно распоряжаются собой и своей собственностью, каждый может судить преступивших нормы общежития и подвергать их соответствующим наказаниям. Когда же вследствие роста народонаселения в обществе появляются признаки перерастания естественного со-

¹ *Спиноза Б.* Соч.: В 2 т. СПб., 1999. Т. 1, 2; *Он же.* Богословско-политический трактат: Пер. с лат. Минск, 1998; *Беленький М. С.* Спиноза. М., 1964; *Соколов В. В.* Теоретическое наследие Спинозы // *Вопр. философии.* 1977. № 4.

стояния в «войну всех против всех», люди – возможно, «молчаливо» – согласились или договорились учредить государство и вручить исполнительную власть его специальному органу, т. е. впервые образованному правительству, перейдя тем самым из естественного состояния в состояние гражданского общества. Согласно Дж. Локку, государство представляет собой совокупность людей, объединившихся в одно целое под эгидой ими же установленного общего закона и ими же созданных общих органов власти, правомочных во имя общего блага улаживать конфликты между людьми, издавать общие и обязательные для всех законы, наказывать виновных в нарушении этих законов, применять для этого силу и специально предусмотренные санкции. Власть в государстве должна быть единой, но дифференцированной на слагаемые, соединяемые части, распределённой, поделённой между разными связанными, взаимодействующими друг с другом, зависимыми друг от друга государственными органами. Дж. Локк призывает уравновесить государственную власть, «вложив отдельные её части в разные руки», отделить исполнительную власть, включающую в себя судебную и военную власть, а также федеративную власть, устанавливающую отношения с другими государствами, от законодательной, т. е. первой и верховной, власти. Законодательная же власть должна принадлежать парламенту, решающему вопросы «по воле большинства», подобно тому, как в механике Ньютона движение тела происходит в сторону действия преобладающих сил. Ему должны подчиняться исполнительная власть и все другие власти, оказывающие при этом довольно активное влияние на саму законодательную власть. Государственная власть должна служить обеспечению, сохранению, реализации гражданских интересов, естественных прав всех и каждого, создавать и выполнять законы, или общие правила, руководствоваться и ограничиваться ими в конкретных ситуациях. Никто, никакой орган в государстве не может быть изъят из подчинения его законам. Верховным сувереном в государстве является не правительство, а народ, который имеет право на сопротивление действиям правительства, нарушающего законы и злоупотребляющего данной ему властью, так как «силу следует противопоставлять лишь несправедливой и незаконной силе»¹.

Сторонником договорного происхождения государства и государственной власти из естественного состояния выступает и *Феофан Прокопович* (1681–1736 гг.). В государственной власти он видит своеобразную «узду страстям человеческим» и «человеческого сожительства ограду», различает такие её формы, как «народодержавство» (демократию), аристократию, ограниченную и неограниченную монархию, последнюю из них он считает «образцом правления»².

Жан Жак Руссо (Rousseau, 1712–1778 гг.) считает, что в естественном состоянии все люди свободны и равны, хотя и отличаются друг от друга физически, имеют природные различия. Здесь нет частной собственности. С появлением же частной собственности в предгосударственном состоянии возникает со-

¹ Локк Дж. Соч.: В 3 т. Т. 3. М., 1988; Зинченко Г. А. Дж. Локк. М., 1973.

² Баркалов В. Я. Указ. соч.

циальное неравенство, которое противоречит естественному, или природному, равенству, начинается борьба между бедными и богатыми, перерастающая в «ужаснейшие смуты..., несправедливые захваты богатых, разбой бедных», «постоянные столкновения права сильного с правом того, кто пришёл первым», «нарождающееся общество пришло в состояние самой страшной войны». Жизненные интересы всех людей, подкреплённые «хитроумными» доводами богатых, требовали выхода из этого неестественного состояния, который состоял в соглашении (договоре) о создании государственной власти и законов. Эта власть и эти законы были созданы. Они «наложили новые путы на слабого и придали новые силы богатому», подчинили себе всех и каждого. Богатые «установили закон собственности и неравенства», лишили бедные слои общества естественной и политической свободы, «ради выгоды нескольких честолюбцев обрекли с тех пор весь род человеческий на труд, рабство и нищету». Ж. Ж. Руссо выдвигает собственную концепцию «создания Политического организма как подлинного договора между народом и правителями», превращающего скопления людей в суверенный народ, а каждого человека – в гражданина, личность и имущество которого защищены общей силой и волей, находящейся под единым руководством. При этом общая воля существенно отличается от воли всех: первая имеет в виду общие интересы, вторая – частные интересы и представляет собой лишь простую сумму изъясненной воли частных лиц. В гражданском состоянии индивид как частное лицо со своими частными интересами отличается от индивида как гражданина – члена «публичной персоны», носителя общих интересов, т. е. раздваивается, являясь одновременно членом гражданского общества и гражданином государства. Различные частичные ассоциации, партии, группы, секты, объединения оцениваются Ж. Ж. Руссо, вслед за Н. Макиавелли, как приносящие вред государству, так как они конкурируют с народом, искажают процесс формирования подлинной общей воли граждан, поскольку голосующих не столько, сколько людей, а лишь столько, сколько организаций. Он развивает идею народного суверенитета, понимая под ним власть, направляемую и осуществляемую неделимой, неотчуждаемой и неограниченной никакими законами общей волей или волей большинства. Власть не может быть передана народным представителям – парламенту или любому другому законодательному органу; она принадлежит народу, который непосредственно выбирает своих уполномоченных и непосредственно участвует в законотворчестве. «Передаваться может власть, но никак не воля». Решения депутатов, если таковые имеются в странах с большими территориями, подлежат утверждению референдумом. В реальной жизни власть и богатство взаимно проникают, но это не означает, что мера богатства и власти должна быть одинаковой. Формы власти зависят от размера территории: «демократическое Правление наиболее пригодно для малых государств, аристократическое – для средних, а монархическое – для больших». Народ имеет право не только изменять форму правления, но также расторгнуть общественный договор и вернуть себе естественную свободу¹.

¹ Руссо Ж. Ж. Избр. соч. М., 1961. Т. 1–3; Он же. Трактаты. М., 1969; Дворцов А. Т. Ж.

Иммануил Кант (Kant, 1724–1804), осуществляя теоретическое обоснование и систематизацию либеральной концепции государственной власти, связывает её с силой, способной преодолеть сопротивление другой силы. Властные отношения в государстве, как и любые другие отношения между людьми, должны исходить из фундаментального «практического принципа», «категорического императива: «поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого также как к цели и никогда не относился бы к нему только как к средству». Воля личности должна быть автономной, самостоятельной, что позволяет человеческому индивиду обеспечить свою свободу, стать ему «господином самому себе», оградить себя от собственного произвола и от тотальной власти, господства общества. Ограничителем власти, произвола одних по отношению к другим выступает право – система всеобщеприменительных норм, наделённая принудительной силой, исконным и первичным носителем которой является государство, понимаемое как «множество людей, подчинённых правовым законам», в том числе «правовое государство» – государство, ориентированное на право, опирающееся на него, согласовывающее с ним свои действия. Государственная же власть, или принудительная сила, возникает посредством «общественного договора» между морально полноценными, нравственными людьми при переходе их из естественного первоначального состояния к «гражданскому обществу». Она не должна жёстко и всеобъемлюще регламентировать общественную жизнь, ибо это сковывает инициативу и самостоятельность граждан, притупляет у них чувство ответственности за происходящее в обществе и стимулирует настроения иждивенчества, ведет к нравственному перерождению личности. Народ обладает верховной властью и суверенитетом, прерогативой выражать свою волю, требовать своего участия в принятии конституции и установлении всеобщего правопорядка. Каждый человек, даже когда он непосредственно не является «человеком власти», сам знает, какими должны быть её акции по его делу, способен самостоятельно определить их требуемое содержание. Но не все могут и должны иметь избирательное право, быть активными гражданами. Форма властвования – автократия, аристократия или демократия – менее значима, чем его способы, методы – демократические, предполагающие отделение исполнительной власти от власти законодательной, или деспотические, предполагающие их слияние. Преобразования власти, в том числе и деспотической, должны осуществляться не восстаниями, революциями, не методами вооружённой борьбы, а путём постепенных, планомерных и последовательных реформ. Сопротивление деспотизму оправдано и возможно лишь легальными и ненасильственными методами, при формальном соблюдении сопротивляющимися законов и предписаний властвующих субъектов¹.

В новое время возрождается ещё одна разновидность светских теорий государства и государственной власти – *патриархальная теория*. В ней государ-

Ж. Руссо. М., 1980.

¹ *Кант И.* Соч: В 6 т. М., 1965. Т. 4. Ч. 1, 2; *Галанза П. Н.* Учение И. Канта о государстве и праве. М., 1960; *Гулыга А.* Кант. М., 1981.

ство рассматривается в качестве развитой формы патриархального общества, возникающей в результате механического соединения родов в племена и племена в большие целостные государственные образования, сохраняющей на всех своих этапах патриархальную, отцовскую, опекунскую власть, осуществляемую во благо всего общества. У её истоков в древнем мире, как уже отмечалось, стоят Конфуций и Аристотель. Она достаточно широко распространена в Древней Греции, Древнем Риме, в период средневекового абсолютизма. В новое же время её представителями выступают английский мыслитель XVII в. Р. Фильмер, русский социолог второй половины XIX в. Н. К. Михайловский, видный советский историк М. Н. Покровский. Например, Р. Фильмер в своей работе «Патриархия, или Естественная власть короля» (1642 г.) утверждает, что королевская власть ведёт своё начало непосредственно от Адама – прародителя человеческого рода. Поэтому государство не является результатом общественно-го договора, а государь не назначается, не выбирается и не смещается подданными, так как все они – его дети.

Значительный вклад в развитие светских концепций государственной власти нового времени вносят Ш. Монтескье, И. Бентам, Б. Констан, Г. Гегель, О. Конт, Дж. Ст. Милль, Л. Штейн, Р. Иеринг, Г. Спенсер, Г. Еллинек. В частности, *Шарль Монтескье* (Montesquieu, 1689–1755 гг.), используя исторический подход в сочетании со сравнительным анализом, пытается вывести принципиальные рассуждения о власти «не из своих предрассудков, а из самой природы вещей», из объективных «общих начал», «общих законов», которые действуют как в мире физическом, так и в мире разумных существ. У него человек есть, во-первых, физическое существо, управляемое естественными законами, во-вторых, разумное существо, действующее по собственным побуждениям. Выйдя из естественного состояния, люди соединяются в обществе. Здесь они утрачивают равенство и сознание своей слабости, вступают в войны друг с другом и другими народами, что побуждает их установить общие законы, соединить отдельные человеческие силы и образовать государство, т. е. перейти в гражданское, государственное, политическое состояние, учредить для этого правительство, выражающее единую волю, так как «общество не может существовать без правительства». Государство же рассматривается Ш. Монтескье как общество, «где есть законы». Он считает, что желание власти не может быть первым человеческим желанием, как у Т. Гоббса. Ш. Монтескье утверждает, что характер власти у каждого народа зависит в определенной мере от географической среды – климата, рельефа местности, величины территории. Например, «в жарких климатах... обыкновенно царит деспотизм...». Характер власти зависит и от способа добывания средств существования, а также от таких «естественных законов», как закон самосохранения, стремление человека добывать себе пищу, биологическое влечение людей друг к другу как представителям одной животной природы. Он вводит понятие «принципа правления», под которым понимал движущую власть страсть, например: страх – в деспотии, честь – в монархии, добродетель, любовь, свобода, патриотизм – в демократической или аристократической республике. Демократия у него связана с принадлежностью законодательной власти народу и правом народа на голосование, который способен кон-

тролировать деятельность властвующих лиц, но не способен осуществлять власть сам. С именем Ш. Монтескье связана детальная разработка идеи разделения власти на законодательную власть, или «власть создавать законы», исполнительную власть, или «власть приводить в исполнение постановления общегосударственного характера», и судебную власть, или «власть судить преступления или тяжбы частных лиц», при ведущей и определяющей роли законодательной власти. Это разделение необходимо для того, чтобы избежать злоупотребления властью, чтобы «различные власти могли бы взаимно сдерживать друг друга», находиться в равновесии по отношению друг к другу, в равновесном состоянии, но оно вынуждает все власти «действовать согласованно»¹.

Иеремия Бентам (Bentham, 1748–1832 гг.), исходя из либеральных принципов и принципа утилитаризма, считает, что в основе государственной власти, как и всей человеческой жизни, лежат: практическая выгода, польза, искание удовольствия, исключение страдания и обретение наибольшего счастья или добра. Польза личная, как исходная клеточка общественной жизни, и польза общая, как сумма всех индивидуальных польз, «наибольшее счастье наибольшего количества людей», – это двигатель, цель и критерий, или масштаб, деятельности и отношений людей, в том числе двигатель власти, цель и критерий её функционирования. Личности, их польза и счастье предстают в качестве цели, а государство и власть – в качестве средства установления наибольшего счастья наибольшего числа людей. Власть в государстве устанавливается силой и упрочивается привычкой, а не договором между людьми, который только подрывает власть и является орудием революций. Преобразовываться же государственная власть должна не революционным, а реформаторским путём, путём уступок, постепенного улучшения и совершенствования, должна укрепляться через расширение и укрепление своей социальной базы – «среднего класса», через постепенное стирание имущественных крайностей богатства и бедности, но не через установление равенства, что есть «химера». Властвование подобно врачеванию, оно необходимо лишь тогда, когда общество серьёзно заболевает. С лёгкими недомоганиями общество справляется самостоятельно, без вмешательства государственной власти, деятельность которой должна быть минимизирована, ограничиваться охраной прав и свобод граждан, обеспечением их безопасности, защитой частной собственности и свободной конкуренции. Три основные власти – законодательная, исполнительная и судебная – должны быть не только разделены, но взаимодействовать, кооперироваться друг с другом, так как «взаимная связь трёх властей производит их согласие, подчиняет их постоянным правилам и даёт им систематический и непрерывный ход. Если бы власти были абсолютно независимы, между ними были бы постоянные столкновения»².

¹ Монтескье Ш. Избр. произв. М., 1955; Монтескье Ш. Л. О духе законов. М., 1999; Азаркин Н. М. Монтескье. М., 1988.

² Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. М., 1998; История буржуазного конституционализма XIX в. / Отв. ред. В. С. Нерсисянц. М., 1986; Покровский П. А. Бентам и его время. П., 1916.

Бенжамен Констан (Constant, 1767–1830 гг.) отстаивает идею либерализации общественно-государственной жизни и государственной власти, приоритета, самостоятельности, самоценности и неприкосновенности личных и гражданских прав, личной и гражданской свободы, невмешательства государства в экономику и частную жизнь, разделения, равновесия и взаимодействия законодательной, исполнительной, судебной властей. Народный суверенитет, власть народа, государства должны кончаться там, где начинается «независимость частного лица и собственная жизнь», однако недопустимо ослаблять силу того государства, которое действует согласно этому принципу: «не нужно, чтобы правительство выходило из своей сферы, но власть его в своей области должна быть неограниченной». Власть может изменить только поведение людей, но не их мысли. Нельзя заставить верить или не верить с помощью насилия. Видимость покорности создаёт условия для разлада между действительными убеждениями и официальными высказываниями, для разрастания оппозиции, способной отстранить деспотов от власти. Не принуждение, а взаимная терпимость составляет основу свободного общественного порядка и либеральной власти. Общество и сама власть нуждаются в свободе слова и печати как гаранте и средстве гражданских свобод. Непосредственная демократия была возможна в небольших – по территории и численности свободного населения – древних городах-государствах. Верховная власть здесь творилась на площадях, что повышало политическую роль и значимость каждого гражданина. Большая же территория и многочисленность современных стран делают невозможной непосредственную демократию, уменьшают политический вес рядовых граждан, вызывают необходимость представительной власти. Предпочтительной является конституционно-монархическое правление, при котором королевская власть существует наряду с тремя другими «классическими» властями – законодательной, исполнительной и судебной, независимо от них, обеспечивает их единство, выступает как власть нейтральная, регулятивная и арбитражная¹.

Георг Гегель (Hegel, 1770–1831 гг.) выдвигает мысль о том, что гражданское общество представляет собой систему противоречивых частных потребностей, интересов, целей людей, войну всех против всех. Оно «создано... лишь в современном мире», состоит из трёх сословий, во-первых, субстанционального – дворян и крестьян как землевладельцев, во-вторых, промышленного – фабрикантов, торговцев, ремесленников, в-третьих, всеобщего – чиновников, а также противостоит государству, т. е. разумной всеобщей воле, не только отличается от него, но и предполагает его наличие как своё основание. Оно возникает из семьи, тогда как государственная власть – из семейной власти, власти главы семьи. В нём экономическая и социальная сферы соотнесены, взаимосвязаны с его политической сферой. Если общество – это момент государства, «внешнее государство», «государство нужды и рассудка», то подлинное государство – это разумное и правовое государство. Государство – это не агрегат человеческих

¹ *Констан Б.* О свободе у древних в её сравнении со свободой у современных людей: Пер. с франц. // Политические исследования. 1993. № 2; *История буржуазного конституционализма XIX в.*

индивидов, не мёртвый механизм, а живой, субстанциональный и целостный организм. По отношению к индивиду государство есть первичное, тогда как индивид – вторичное. Надлежащее разделение властей не только выступает «гарантией публичной свободы», но предполагает их органическое единство, взаимодействие, при котором все они исходят из мощи, власти целого и являются его частями – «текучими членами» целого¹.

Огюст Конт (Comte, 1798–1857 гг.), как основатель позитивизма, отрицает либеральную концепцию и возможность познать сущность власти, но ставит вопрос о социологическом исследовании её статики и динамики. Развитие общества, государства и государственной власти связано с эволюцией человеческого сознания, последовательной сменой трёх ведущих типов «состояния человеческих умов»: теологического (религиозного), метафизического и научного (позитивного). На первой стадии складывается и процветает «реакционная (ретроградная) аристократия», на второй – «анархическая республика», на третьей – «социократия»².

Джон Стюарт Милль (Mill, 1806–1873 гг.) считает, что бентамовский принцип существования государственной власти ради достижения личного счастья может «работать» только тогда, когда он органически связан с принципом необходимости согласования индивидуальных и общественных интересов. Он отказывается видеть в государственной власти лишь негативную сторону, что было свойственно либеральным концепциям его предшественников. «В конце концов, государство всегда бывает не лучше и не хуже, чем индивиды, его составляющие». Государственная власть, чтобы гарантировать все виды индивидуальных свобод одинаково для всех своих граждан, должна и способна установить у себя надлежащий порядок, при котором «общественное спокойствие не нарушается никаким насилием частных лиц» и осуществляется «охранение существующих уже благ всякого рода». «Власть, которая не умеет заставить повиноваться своим приказам, не управляет». Наилучшей формой государственного правления является представительное правление, при котором «весь народ или, по меньшей мере, значительная его часть пользуется через посредство периодически избираемых депутатов высшей контрольной властью... во всей полноте». Она, во-первых, учреждается по выбору народа, во-вторых, предполагает, что «народ должен иметь желание и способность выполнять всё необходимое для её поддержки», в-третьих, существует при условии, что «этот народ должен иметь желание и способность выполнять обязанности и функции, возлагаемые на него этой формой правления». Её целями должны быть: защита интересов личности и собственности, содействие росту благосостояния людей, увеличение положительных социальных качеств в индивиде. Законодательная власть в лице парламента должна заниматься законотворчеством, а также осуществлять наблюдение и контроль над правительством, отстранять «от должности людей, составляющих правительство, если они злоупотребляют своими

¹ Гегель Г. Политические произведения. М., 1978; *Он же*. Философия права. М., 1990.

² Конт О. Дух позитивной философии. СПб., 1912; Кон И. С. Позитивизм в социологии. Л., 1964.

полномочиями или выполняют их противоположно ясно выраженному мнению нации» и, кроме того, «служить для нации местом выражения жалоб и различных мнений», но не должна «вмешиваться в частности управления». Функции правительства «меняются, следуя различным состояниям общества», а «обще-признанные функции государственной власти простираются далеко за пределы любых ограничительных барьеров, и функциям этим вряд ли можно найти некое единое обоснование и определение, помимо соображений практической целесообразности». Тем не менее, недопустимо расширение правительственной деятельности ради её самой, присвоение государственными чиновниками неограниченной власти, незаконное нарушение ими свободы частной жизни, что «увеличивает число людей, возлагающих на правительство свои надежды и опасения, превращает деятельных и честлюбивых членов общества в простых слуг правительства». Государственная власть не должна подменять своей чрезмерной деятельностью деятельность самого народа. В результате такой подмены интересы государственной бюрократии начинают доминировать над интересами народа, который в этом случае поражается болезнью общественной пассивности и иждивенческими настроениями, утрачивает дух свободы, личное достоинство, чувство ответственности за происходящее в обществе и, в конечном счёте, деградирует, а вслед за ним деградирует и государство¹.

Лоренц Штейн (Stein, 1815–1890 гг.) различает общество как систему «частных», или «гражданских», отношений и государство как сферу публично-властных, политических отношений. Государство есть персонифицированный организм всеобщей воли, высшая форма общества, которая вместе с тем противостоит обществу, имеет отличную от него организацию и специфические цели. В нём устанавливается органическое единство самых разных индивидуальных волей и действий людей, составляющих общество. По своей идее и сущности оно выступает или должно выступать в роли представителя и защитника общих интересов, «общей пользы». На практике же государство подчинено «частным интересам» в ущерб общей пользе. Государственная власть должна быть самостоятельной и не отрываться от общества, должна стоять над классами и не превращаться в орудие эгоистических интересов какой-либо отдельной общественной группы. Исполнительная власть должна служить законодательной власти и подчиняться закону².

Рудольф Иеринг (Ihering, 1818–1892 гг.) общественную жизнь людей, все её проявления, в том числе и государственная власть, рассматривает как «царство целей, целесообразной деятельности человека». Она подчинена не закону причинности, а закону целесообразности, согласно которому нет деяния без цели. Человек действует не потому, что, а для того, чтобы. Двигателем человеческой деятельности и властвования выступает совокупность разнообразных материальных и духовных интересов – субъективных эгоистических стремлений

¹ *Милль Дж. Ст.* Рассуждения и исследования политические, философские и исторические. СПб., 1864–1865. Ч. 1–3; *Он же.* Размышления о представительном правлении. СПб., 1863–1864. Ч. 1–2; *Трахтенберг О. В.* Очерки по истории философии и социологии Англии XIX в. М., 1959.

² *История буржуазного конституционализма XIX в.*

людей к достижению той или иной выгоды, пользы, являющихся связующим звеном между действующими субъектами и их целями. Интерес для исследования государства и государственной власти представляет следующая его методологическая установка: «Каждый организм может подвергнуться двойному исследованию: *анатомическому* и *физиологическому*; первое имеет своим предметом его составные части и их отношения друг к другу, т. е. его структуру, второе – его функции». По Р. Иеренгу, общество есть сфера «совместного действия людей, объединённых общими целями; в этой сфере каждый, действуя для других, действует для себя, а, действуя для себя, тем самым действует и для других». Государство же «есть организация социального принуждения». Отсюда, государственная власть – это принудительная власть. Она отличается от других видов власти своими структурно-организационными свойствами: наличием особого аппарата принуждения, противоположности управляющих и управляемых, норм публичного права, суверенитета и абсолютной монополии на принуждение, универсальной публичностью своих дел. Её целью является «обеспечение общих всем интересов против угрожающего им частного интереса»¹.

Герберт Спенсер (Spencer, 1820–1903 гг.), являясь представителем социологического позитивизма и органической теории власти, уподобляя общество биологическому организму, полагает, что государственная власть является результатом борьбы одних сообществ людей с другими, результатом войн и насилия. Им высказывается ряд идей о бюрократии, использовании метода аналогии, структурно-функционального и системного анализа в исследованиях власти и политики².

Георг Еллинек (Jellinek, 1851–1911 гг.) считает, что власть и другие политические явления принадлежат как сфере сущего, так и сфере должного, поэтому их надо исследовать с помощью и социологического, и юридического методов. В первом случае они рассматриваются как социально-психологические явления, находящиеся в плоскости индивидуальной психики волевые отношения, в их эмпирическом существовании, возникновении, развитии, взаимосвязи с другими социальными явлениями, во втором – через призму абстрактных нормативных суждений, вне связи с социальным содержанием. Власть из голой фактической силы должна превратиться в правовую силу. Она должна осуществляться в установленных правом границах. Государство же «есть обладающее первичной государственной властью союзное единство осёдлых людей»³.

В XIX в. в Европе заметное влияние среди светских теорий государственной власти получает *теория насилия* или *завоевания*. Она определяет государство и государственную власть как результат войн, борьбы между сообществами людей, насилия одних над другими, как организацию господства победите-

¹ Там же.

² Спенсер Г. Основания социологии. Т. 1–2. - СПб, 1898; Он же. Социальная статика. СПб, 1906; Он же. Социология как предмет изучения. СПб, 1896; Он же. Опыты научные, политические и философские: Пер. с англ. Минск, 1998; История буржуазной социологии XIX – начала XX в. М., 1979; Кон И. С. Позитивизм в социологии.

³ История буржуазного конституционализма XIX в.

лей над побеждёнными. Её представителями являются, например, Е. Дюринг (Duhring, 1833–1921 гг.), Л. Гумплович (Gumplowicz, 1838–1909 гг.), К. Каутский (Kautsky, 1854–1938 гг.). В частности, *Людвиг Гумплович* причину происхождения, главную основу государства и государственной власти видит не в божественном провидении, общественном договоре или идее свободы, а в завоевании, насилии, порабощении одних людей или их групп другими. История, пишет он, не представляет нам ни одного примера, где бы государство возникло не при помощи акта насилия, а как-нибудь иначе. Кроме того, это всегда выражалось в завоевании и порабощении более сильным чужим племенем более слабого, уже осёдлого населения. Высший закон истории у него гласит: «сильнейшие побеждают слабейших, сильные немедленно объединяются, чтобы в единении превзойти третьего, тоже сильного, и так далее». Благодаря насилию образуется единство между людьми властвующими и подвластными. Л. Гумплович стремится деидеологизировать политическую науку, сделать её беспартийной, индифферентной к классовым интересам и политическим интересам, предлагает рассматривать власть с помощью индуктивного метода, использования общей социологии, этнографии, истории и антропологии как «естественное в своем историческом развитии явление», факт социальной действительности, связанный с другими социальными явлениями¹.

Для *К. Каутского* государство и классы начинают существовать одновременно. Племя победителей, пишет он, подчиняет себе племя побеждённых, присваивает себе всю их землю и затем принуждает побеждённое племя систематически работать на победителей, платить им дань или подати. Первые классы и государства образуются из племён, спаянных друг с другом актом завоевания².

Близкую позицию занимает *Фридрих Ницше* (Nietzsche, 1844–1900 гг.), рассматривая государственную власть как проявление борьбы сил и воли, а волю к власти – т. е. некоторую внутреннюю волю, ненасытное стремление к проявлению власти или применение власти, пользование властью – как специфическое свойство всех социальных и политических явлений. По его мнению, общество состоит из гениальных личностей, исполнителей их идей и прочей массы посредственных людей. Борьба воли сильных, великих личностей и воли слабых, т. е. толпы или рабов, характеризует всю социально-политическую историю. Наивысшее количество власти составляет ценность, смысл и цель жизни великих личностей. Цель человечества состоит в выращивании гениев, выдающихся индивидов и соответствующей им культуры, но никак не в создании совершенного государства – «железных тисков». Положительно только то государство, которое, отказавшись от собственного «эгоизма», служит аристократической

¹ Гумплович Л. Общее учение о государстве. СПб., 1910; *История буржуазной социологии XIX – начала XX в.*; Кон И. С. Позитивизм в социологии.

² Каутский К. Материалистическое понимание истории. Т. 2. Государство и развитие общества. М.-Л., 1931. С. 86.

«воле к власти» и является своего рода теплицей для «высокой культуры» и «сильной» породы людей¹.

В XIX в. возникает *классовая*, или *марксистская*, *теория* государства и государственной власти как разновидность *конфликтной* теории. Она рассматривает государство и государственную власть как результат деления общества на классы и классовой борьбы, средство выражения интересов экономически господствующего класса. Её основоположниками являются К. Маркс (Marx, 1818–1883 гг.) и Ф. Энгельс (Engels, 1820–1895 гг.). В Россию же она проникает благодаря работам Г. В. Плеханова (1856–1918 гг.), В. И. Ленина (1870–1924 гг.) и других авторов.

Карл Маркс и *Фридрих Энгельс* выдвинули и обосновали идею *формационного* подхода в исследовании общества, государства и государственной власти. Государство и властные отношения в нём рассматриваются ими как органическая часть или момент классовых общественно-экономических формаций – рабовладельческой, феодальной, капиталистической. Эта часть, сохраняя относительную самостоятельность, надстраивается над другой частью этих формаций – их базисом, совокупностью производственных, экономических, материальных отношений, как правило, опирается на него, «в конечном счёте» или косвенно, опосредствованно обусловлена, детерминирована и определяется им, зависит, производна и вторична от него. Государство и государственная власть возникают и существуют лишь там и тогда, где и когда общество дифференцируется на противоположные друг другу и взаимодействующие друг с другом классы, между которыми, как правило, существуют не просто различия или неравенство, но глубокие противоречия, устанавливаются не только и не столько отношения сотрудничества, сколько отношения непримиримой борьбы, т. е. антагонистические отношения. Резюмируя позицию К. Маркса по данному вопросу и результаты своих собственных исследований, Ф. Энгельс в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» отмечает, что «государство существует не извечно. Были общества, которые обходились без него, которые понятия не имели о государстве и государственной власти. На определённой стадии экономического развития, которая необходимо была связана с расколом общества на классы, государство стало в силу этого раскола необходимостью. Мы приближаемся теперь быстрыми шагами к такой ступени развития производства, на которой существование этих классов не только перестало быть необходимостью, но становится прямой помехой производству. Классы исчезнут также неизбежно, как неизбежно они в прошлом возникли. С исчезновением классов исчезнет неизбежно государство». По К. Марксу и Ф. Энгельсу, в классовом обществе деятельность государства и властные отношения определяются интересами «самого могущественного, экономически господствующего класса, который при помощи государства становится также политически господствующим классом и приобретает, таким образом, новые средства для подавления и эксплуатации угнетённого класса». Эти интересы проявляются при

¹ Ницше Ф. Полн. собр. соч. М., 1909–1912. Т. 1–9; *Он же*. По ту сторону добра и зла. Соч. М., 1999; *Манн Т.* Философия Ницше в свете нашего опыта // Собр. соч. М., 1961. Т. 10.

выполнении государством и государственной властью двух своих основных и взаимосвязанных функций: как «общих дел, вытекающих из природы всякого общества», т. е. функции управления обществом, согласования индивидуальных действий его членов, так и специфических принудительных действий, непосредственно обусловленных классовым антагонизмом, вытекающих «из противоположности между правительством и народными массами», т. е. функции принуждения. Вследствие доминирования в классовом обществе интересов господствующего класса и классовой борьбы аппарат государства и государственной власти представляется здесь учреждением, легально и целенаправленно использующим в качестве основного средства своей деятельности физическое и иное принуждение, или насилие, применяемое в первую очередь по отношению к угнетаемым классам. «Насилие, – пишет К. Маркс в «Капитале», – является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым». Более того, как говорится в «Манифесте Коммунистической партии»: «Политическая власть в собственном смысле слова – это организованное насилие одного класса для подавления другого». Обоснованием таких выводов служат многочисленные примеры из истории человечества. Отсюда неизбежен и ещё один вывод: «Классовая борьба необходимо ведёт к диктатуре пролетариата», несмотря на то, что пролетариат заинтересован в создании условий, при которых классовая борьба могла бы «проходить через свои различные фазы наиболее рациональным и гуманным путём», а пролетарская революция могла бы быть легальной и мирной. Диктатура же пролетариата должна быть по примеру Парижской коммуны 1871 г. одновременно «и законодательствующей и исполняющей законы», то есть должна сосредоточить в одном государственном органе как законодательную, так и исполнительную власть¹.

В новое время предпринимаются попытки создания *психологической теории* государства и государственной власти. В ней возникновение и существование государства и государственной власти объясняется свойствами человеческой психики, потребностью людей в авторитетном руководстве, их желанием повелевать и подчиняться. Её представителями являются, например, М. М. Ковалевский (1851–1916 гг.), Н. М. Коркунов (1853–1904 гг.), Л. И. Петражицкий (1867–1931 гг.). В частности, *Максим Максимович Ковалевский* считает, что психическое, в том числе гипнотическое, воздействие одних людей, выдающихся творческих личностей, вождей-инициаторов, на других, заурядных пассивных подражателей, лежит в основе их властных отношений. Вместе с тем, он пытается рассматривать государственную власть социологически, в тесной связи с другими социальными факторами, используя историко-сравнительный метод. Власть изменяется соответственно стадиям развития общества. Возникновение её государственной формы явилось закономерным результатом крушения родовой общины². *Николай Михайлович Коркунов* также пытается дать психологическую трактовку власти, ищет её основу в психике контр субъекта вла-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1955–1981. Т. 1–50.

² Ковалевский М. М. История современной демократии. М., 1987; Он же. Общее учение о государстве. СПб., 1909; Куприц Н.Я. Ковалевский. М., 1978.

сти, вне связи с волей властвующего субъекта. Властвование предполагает сознание не с активной стороны, не со стороны властвующего человека, а со стороны подвластного. Власть есть сила, которая обусловлена не волею властвующего, а осознанием зависимости подвластного¹.

3.4. Политологические исследования с середины XIX в. до середины XX в. (эмпирический этап)

Второй – эмпирический – этап развития политической науки, начавшийся с середины XIX в., своими первыми ростками восходит к методам изучения политики и взглядам на неё Аристотеля, Ибн Хальдуна, Н. Макиавелли, Ж.-А. Кондорсе, А. Сен-Симона, О. Конта. Но его подлинным началом К. Дойч считает середину XIX в., когда политология всё более становится *институциональной* и начинает утверждаться в качестве *самостоятельной* научной дисциплины, в том числе, в частности, *отделяется «от политической философии, с тем чтобы исследование фактов не продолжало быть служанкой нормативных рефлексий»², от истории, юриспруденции.*

В 1857 г. в США в Колумбийском колледже (ныне университете) Ф. Лейбер начал читать курс лекций по политической теории, организует кафедру истории и политической науки. Чуть позднее (в 1880 г.) здесь же Дж. Берджесс создаёт школу политической науки³. Этому примеру вскоре последовали университет Дж. Гопкинса и другие учебные заведения. С 1880 г. в США начинает издаваться первый политологический журнал «Political sciences», а с 1886 г. – «Ежеквартальник политической науки», с 1903 г. – журнал «Анналы американской академии политических и социальных наук», с 1906 г. – «Обозрение американской политической науки». В 1890 г. всё тот же Дж. Берджесс издаёт книгу «Политическая наука и сравнительное конституционное право», а в 1908 г. А. Бентли публикует свою работу «Процесс осуществления правительственной власти: изучение общественных движений» (1908 г.). Обе эти книги сыграли заметную роль в американской политической науке. В 1903 г. возникает Американская ассоциация политических наук (ныне она объединяет в своих рядах примерно 16 тысяч индивидуальных и коллективных членов).

Аналогичный процесс идёт и в Европе. В 1871 г. Э. Бутли основывает Свободную школу политических наук во Франции (ныне – Институт политических исследований Парижского университета), в 1895 г. учреждается Лондонская школа экономики и политической науки. В 1912 г. в Оксфордском университете открывается специализированная кафедра политической науки. Многие учёные публикуют работы, имеющие характерное название и составляющие основу политической науки того времени: Э. де Парье в 1870 г. – «Принципы политической науки», Э. Шеврьер в 1871 г. – «Элементы политической науки», Э. Акол в 1877 г. – «Философия политики», Г. Моска в 1884 г. и 1896 г. – соответ-

¹ Экимов А. И. Коркунов. М., 1983.

² American Political Science Review. 1959. Vol. 53. № 4. P. 1120.

³ Haddow A. Political Science in American Colleges and Universities. 1636–1900. N. Y., 1939. P. 175).

ственно «Теория правления и парламентское правление» и «Основы политической науки» (Т. 1), А. Мишле в 1896 г. и 1901 г. – соответственно «Идея демократии» и «Политическая доктрина демократии», Р. Михельс в 1911 г. – «Социология партийных организаций в современной демократии», Л. Дюги в 1911 г. – «Трактат о конституционном праве», В. Парето в 1921 г. – «Трансформации демократии», некоторые из которых стали политологической классикой.

Видными представителями этого этапа развития политической науки в Западной Европе второй половины XIX в. – начала XX в. являются Р. Иеринг, Г. Спенсер, Л. Гумплович, В. Парето, Г. Моска, Э. Дюркгейм, М. Ориу, М. Вебер, Р. Михельс, П. А. Сорокин, Б. Рассел, Т. Парсонс, М. Фуко. Их работы, развитие социально-политической теории и методологии социально-политических эмпирических исследований в XIX–XX вв. стали предпосылкой современной политологии.

В этот период продолжают развиваться такие направления политической философии и идеологии, как *либерализм* (Б. Н. Чичерин, М. М. Ковалевский, Н. Н. Коркунов, Дж. Кейнс), *консерватизм* (Н. Я. Данилевский, К. Н. Леонтьев), *позитивизм* (Г. Спенсер), *радикализм* (А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, М. А. Бакунин, П. А. Кропоткин, П. Л. Лавров), *социализм* (К. Маркс, Ф. Энгельс, Г. В. Плеханов), возникают *большевизм* (В. И. Ленин, Н. И. Бухарин, И. В. Сталин), *национализм* и *фашизм* (Х. С. Чемберлен, О. Шпенлер, Б. Муссолини, А. Гитлер). Однако доминирующая его тенденция – бурное развитие эмпирических исследований политики в сочетании с построением на их основе определённых теоретических обобщений.

Существенное значение здесь имело то, что со второй половины XIX в. политическая наука выходит за рамки философии, испытывая заметное влияние истории, юриспруденции (особенно в Европе) и социологии, постепенно отделяется от них, устанавливает связи с другими дисциплинами, изучающими поведение людей научными (в том числе, эмпирическими) методами. Исследователи стали рассматривать его отражение в политической жизни.

Польско-австрийский социолог и правовед Л. Гумплович одним из первых перенёс в сферу политического анализа идеи из антропологии и дарвинистской теории эволюции, сосредоточил внимание на взаимодействии между группами людей внутри государства. Исходя из теории Л. Гумпловича, А. Бентли в центр своего исследования поставил понятие группы, изучал возможность интерпретации управленческих действий в категориях человеческой деятельности. На основе его разработок в 20-е гг. формируются различные концепции заинтересованных групп (работы П. Одегарда, Э. Херрига, Дж. Поллака, Э. Шатшнайде-ра, Э. Лейзерсона).

Кроме того, в эти годы активно разрабатывается проблематика политических партий, избирательного процесса, демократии, конституционного правления, например, в работах М. Я. Острогорского, Дж. Брайса, В. Вильсона, преобладающее влияние в политической науке получила так называемая Чикагская школа (Ч. Мерриам, Х. Госселл, Г. Лассуэлл, Л. Уайт, Э. Фройнд и другие) – одна из первых школ в социальных науках, которая пыталась органически соединить эмпирические исследования с теоретическими обобщениями, способ-

ствовала развитию бихевиоризма в изучении политики. В 1923 г. Ч. Мерриам призывает отказаться от юридических методов и сосредоточиться на технике поиска фактов. Политологи (например, Дж. Уоллес, Г. Ласки, Г. Лассуэлл) акцентируют внимание на необходимости исследования психологических (в том числе, подсознательных), религиозных, социокультурных факторов политического поведения, используют методы естественных наук, психоанализа, эмпирической социологии, антропологии, математики, статистики, пытаясь исключить или, по крайней мере, существенно ограничить в политологическом исследовании мировоззренческое и ценностное начало. В 1936 г. Г. Лассуэлл в своей работе «Политика: кто получает, что, когда и как» ставит перед политологией задачу определения цели и объекта политического процесса, вероятных будущих изменений, основных тенденций в распределении ценностей и способов достижения ценностей.

Тенденция усиления эмпирического, позитивистского начала в политологии была в большей мере характерна для США, чем для стран Европы, где, особенно в Германии, она сохраняла традиции историзма и классической философии (сосредотачивалась на философском осмыслении политики, выработке целей и норм политической деятельности, ориентировалась на определённые социальные и моральные ценности). После того как с середины 30-х годов значительная часть европейских политологов переместилась в США, политологические исследования во многих странах Европы были, как правило, свёрнуты и мировым центром их развития становятся США.

В целом этот (второй, эмпирический) этап становления политологии характеризуется тем, что как самостоятельная наука политология формировалась и утверждалась прежде всего в русле рационализма, сциентизма (от лат. *scientia* – наука), позитивизма. Она испытывала сильное влияние господствовавшей в то время универсально-рационалистической и механистически-сциентистской модели видения мира, абсолютизирующей роль в культуре науки вообще и естественных наук, в частности, рассматривала их в качестве своего образца, преимущественно ориентировалась на объективность познания, освобождение его от уникального, индивидуального, неповторимого, от влияния религии, философии, идеологии, теории, каких либо ценностей, от нравственных проблем и других ненаучных элементов, на обнаружение, выявление, открытие в политике повторяемых, единообразных, одинаковых (или, по меньшей мере, сходных) и проверяемых её проявлений (элементов, их отношений и свойств), «чистых» фактов, непреложных закономерностей, причинно-следственных связей, на использование количественных, статистических методов исследования и построение отвлечённых политологических моделей. В ней не допускались аргументы, выводы, суждения, умозаключения ценностного, нравственного, идеологического, мировоззренческого характера. Такой подход получил своё последовательное изложение, например, в книге американского политолога А. Г. Кэтлина «Наука и метод политики», изданной в 1927 г. и являющейся одной из попыток создания «чистой» политической науки.

Завершается данный (эмпирический) этап развития политической науки с окончанием Второй мировой войны. Его символическим логическим финалом

стало создание в 1949 г. под эгидой ЮНЕСКО Международной ассоциации политической науки.

5. Политологические исследования с середины XX в. (рефлексивный этап)

Третий, послевоенный, этап развития политологии характеризуется сначала восстановлением, а затем и бурным развитием политологических исследований в странах Западной Европы, их активизацией в Австралии, Японии, странах Латинской Америки, Азии и Африки, наличием в мире нескольких политологических школ. Наиболее влиятельными из них являются две. Условно их можно назвать *американской* и *европейской*. Некоторые авторы склонны европейскую школу подразделять на английскую и французско-итальянскую¹. Немецкая же политическая наука в этот период развивалась под прямым американским влиянием (многие немецкие политологи считают её одной из ветвей социологии, но органически связанной с наукой о государственном праве).

Между этими двумя школами имеются различия в определении предмета, структуры и методов политологии (политической науки). Общим же является то, что и в Европе, и в Америке политологи всё более и более переносят фокус своего внимания с государства, его институтов и норм на эмпирически наблюдаемое политическое поведение и политические отношения людей, социальных групп и организаций, критически переосмысливают, ревизуют весь арсенал накопленных ими эмпирических и теоретических знаний, значительно расширяют и углубляют его, окончательно превращая политологию в самостоятельную, специализированную и весьма дифференцированную науку. Существенно расширяется круг охватываемых ею проблем. Тщательно исследуются, например: история политических учений; политическая философия; политические институты и процессы; заинтересованные группы, общественно-политические движения и политические партии; политическое лидерство; политические элиты; роль государственной бюрократии и корпоративизм в политике; политическое поведение; политическая культура; политические идеологии; роль общественного мнения и средств массовой информации в политике; политические системы.

Во второй половине XX века получают дальнейшее развитие выдвинутые ещё в довоенный период концепции (идеи, теории) *элит* и *элитизма* (например, в работах Г. Лассуэлла, Р. Ч. Миллса, представителей «неоэлитизма» 60-х–70-х гг. — П. Бакрака, Р. Гамильтона, Т. Дая, Г. Домхоффа, Х. Зейглера), *власти, контроля и влияния* (например, в работах Е. Банфельда, П. Блау, М. Вайла, Р. Даля, М. Дюверже, А. Каплана, Д. Картрайта, Дж. Кэтлина, Г. Лассуэлла, Б. Рейвена, Ч. Мерриама, Г. Моргентау, Т. Парсонса, Б. Рассела, Д. Ронга, Ж. Фройнда, Дж. Френча, М. Фуко, К. Хайнигса, Д. Хиксона), *заинтересованных групп* и *равновесия* политических сил (например, в работах Д. Истона, Р. Тейлора, Д. Трумена), *демократии* (например, в работах К. Берча, Р. Даля, Д. Мак-

¹ Матвеев Р. Ф. Теоретическая и практическая политология. М., 1993. С. 37–38.

кинтоша, Дж. Сартори, Б. Смита, Ф. Стейси), а также *сравнительные* политологические исследования (например, в работах Г. Алмонда, С. Бергера, С. Вербы, Дж. Голдтропа, И. Кима, Г. Лембрука, А. Лийпхарта, Р. Макридиса, Р. Меррита, С. Пая, Р. Путнема, Дж. Сартори, Р. Чилкота, Ф. Шмиттера, Д. Эптера, продолживших традицию сравнительного анализа политики, заложенную ещё в 19 в. Г. Б. Адамсом, Дж. Барджесом, А. Уайтом и, конечно, Э. Фрименом, а также в первой половине 20 в. М. Вебером, М. М. Ковалевским, М. Острогорским, Е. Притчардом, Г. Файнером, М. Фортесом, К. Фридрихом).

Продолжают изучаться политические *партии* и партийные системы (например, в работах К. Бейме, У. Д. Бернхэма, К. Бойля, П. Габори, Д. Гаксье, М. Глена, М. Дюверже, Б. Жанно, У. Кротти, К. Лоусона, Р. Макридиса, П. Меркла, С. Ноймана, Дж. Сандквиста, Дж. Сартори, Ф. Сорауфа, Дж. Фишеля, Б. Хеннесси, В. Чемберса, С. Эльдерсвельда), избирательные системы, *электоральный процесс* и поведение избирателей (например, в работах Р. Арона, Ф. Брода, П. Вейля, М. Дюверже, Д. Линдона, Р. Мёрфина, Ж. Мишла, Г. Помпера, М. Прело, М. Симона, М. Туане, Ж. Шарло, Р. Шонфельда). В поле зрения политологов проблемы *коррупции* (например, в работах Фридриха, А. Банадео, А. Хайденхеймера), тактики и стратегии политического *руководства*, престижа власти, оценки правительственных программ (например, в работах И. Вольфа, Н. Дяйтеса, С. Хангтингтона), поддержки общественного *порядка* в моменты кризиса политического руководства, решения конфликтных ситуаций, угроз гражданских возмущений (например, в работах В. Велша, Р. Нойштадта), политического *прогнозирования*, анализа вероятности предполагаемых событий (например, в работах Д. Белла, Э. Винера, Г. Кана).

Исследуются современные политические *системы* (например, в работах Г. Алмонда, Р. Арона, Д. Дивайна, К. Дойча, Д. Истона, У. Митчелла, Г. Шильса, К. Фридриха, А. Этциони), политические *режимы* (например, в работах Ж. Бюрдо, М. Дюверже, Д. Истона, М. Прело, М. Хагопьяна), политические *конфликты* и политический *консенсус* (например, в работах Дж. Бернара, Р. Бейли, Т. Боттомора, К. Боулдинга, Г. Бутуля, Д. Бухера, Р. Дарендорфа, Дж. Дьюка, Л. Коузера, Л. Крисберга, С. М. Липсета, Д. Лындиса, Л. Макка, А. Рапопорта, Дж. Рекса, Р. Снайдера, Р. Стагнера, А. Турена, А. Филипа, Ж. Фройнда, Т. Шеллинга), *политическая культура* (например, в работах Г. Алмонда, К. Бейме, А. Боднера, А. Брауна, С. Вербы, Е. Вятра, Д. Девайна, Л. Дитмера, Х. Доменигеза, Г. Лембуха, А. Липсет, А. Липхарта, К. Опалека, Г. Пауэлла, Л. Пая, Д. Пола, У. Розенбаума, Р. Роуза, Р. Такера, С. Хантингтона, Х. Экстайна, Д. Элазара), политическая *модернизация* (например, в работах Ф. Броделя, А. Бэнкса, И. Валлерштейна, А. Гешенкрона, Р. Гру, Р. Дора, Д. Растоу, Ч. Тилли, П. Флоры), проводится *структурно-функциональный* анализ политического мира в целом (например, в работах Ч. Бернарда, Р. Мертсона, Т. Парсонса). Крупный вклад в развитие политической науки в целом внесли также: в Великобритании – Д. Брэгэн, Г. Ласки, М. Оукшот, Ч. Уильсон; во Франции – Ж. Вендель, Б. де Жувиень, П. Фавра; в ФРГ – К. Зонтхаймер, Г.-К. Кальтенбруннер, Г. Рормозер, Г. Люббе.

Значительное внимание в послевоенный период уделяется разработке методологии, методов технологии и инструментария политологического исследования. Политическая наука не только дифференцируется на множество дисциплин, но параллельно начинается процесс и их интеграции. Её позитивистские установки начинают существенно изменяться, модернизироваться, синтезироваться с другими мировоззренческо-методологическими традициями и новациями. В новых модификациях возрождается интерес к политической теории, политической философии, политическим идеологиям, к проблемам места и роли в реальной политике и политологии ценностей, морали, религии, других внерациональных и ненаучных элементов. Более того, ныне создаются предпосылки, когда политология может начать формировать парадигму, основанную на достижениях всей мировой науки и культуры человечества в целом.

Повсеместно идёт процесс дальнейшей институализации политологии. Например, только в одной Франции создаются и активно работают такие учреждения, как Институт политических исследований Парижского университета, Национальная административная школа, Французская ассоциация политических наук, Национальный фонд политических наук, вводится учёная степень доктора политических наук, наряду с выходящим с 1884 г. «Журналом публичного права и политической науки» (RDP) издаются «Французский журнал политической науки» (с 1951 г.) и журнал конституционных и политических исследований «Пувуар» (с 1977 г.), учебники профессора Ж. Лафферьера¹ и профессора Ж. Веделя², капитальный десяти томный «Трактат политической науки» профессора Ж. Бурдо³ и другие популярные учебники⁴, в учебных заведениях вводится курс «Конституционное право и политические институты».

В Великобритании учреждается Ассоциация политических исследований Соединённого Королевства (АПИСК) и её печатный орган «Политические исследования» (1950 г.). Ныне здесь также издаются и другие политологические журналы, например, «Британский журнал политической науки» и «Политический ежеквартальник».

Сегодня на Западе все достаточно крупные университеты имеют кафедру или центр политологии (только в вузах США действует более полутора тысяч кафедр политологии). Политология занимает заметное место в учебных программах многих общеобразовательных школ и средних специальных учебных заведений. Политологи, как правило, не только преподают в учебных заведениях, но занимаются и научными исследованиями.

Свои корни и трудности становления имеет *политическая наука в России*. Она активно развивалась здесь в конце XIX – начале XX вв. благодаря научной деятельности М. М. Ковалевского, В. И. Ленина, П. И. Новгородцева, М. Ост-

¹ Laffèriere J. Manuel de droit constitutionnel. P., 1947.

² Vedel G. Manuel élémentaire de droit constitutionnel. P., 1949.

³ Burdeau G. Traité de science politique. P., 1960–1975.

⁴ Burdeau G. Droit constitutionnel et institutions politiques. P., 1980; Duverger M. Institutions politiques et droit constitutionnel. P., 1980; Prelot M., Boulois J. Institutions politiques et droit constitutionnel. P., 1980; Hauriou A., Gicquel J. Droit constitutionnel et institutions politiques. P., 1980; Pactet P. Institutions politiques. Droit constitutionnel. P., 1981.

рогорского, Г. В. Плеханова, Б. Н. Чичерина. Последний, например, подготовил и издал фундаментальную работу «О народном представительстве» (1866 г.), а затем пятитомный курс для юридических факультетов университетов под названием «История политических учений» (1869–1902 гг.). Широко известны работы М. М. Ковалевского «История современной демократии», П. И. Новгородцева «Об общественном идеале» и «Политические идеалы древнего и нового мира». Как уже упоминалось, М. Острогорский в 1898 г. опубликовал (к сожалению, первоначально на французском языке и лишь в 20-е гг. на русском языке) фундаментальный труд «Демократия и политические партии».

В СССР политология как самостоятельная научная и учебная дисциплина отсутствовала, считалась буржуазной лженаукой, политические исследования осуществлялись под давлением марксистско-ленинской идеологии в рамках исторического материализма, научного коммунизма, истории КПСС, теории государства и права. Однако здесь шёл процесс накопления знаний о политике. Научные исследования политики проводились в Институте государства и права, Институте философии и других институтах Академии наук СССР, Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова и иных высших учебных заведениях страны, во временно создаваемых научно-исследовательских коллективах. С 1955 г. работает Советская ассоциация политических наук, советские учёные участвуют во всемирных конгрессах, организованных Международной ассоциацией политической науки. В 1979 г. в Москве проходит 7-й Всемирный конгресс Международной ассоциации политической науки. С середины 70-х годов в ряде высших учебных заведений страны читаются отдельные специальные курсы и лекции по проблемам политологии. Среди активных разработчиков политологических проблем советского периода необходимо назвать С. С. Андреева, Э. Я. Баталова, Г. А. Белова, Ф. М. Бурлацкого, К. С. Гаджиева, А. А. Галкина, Б. И. Краснова, М. Н. Марченко, В. В. Мшвениерадзе, А. С. Панарина, Г. Х. Шахназарова, Е. Б. Шестопал, М. Х. Фаркушина. В 70–80 гг. публикуются, например, монографии Ф. М. Бурлацкого и А. А. Галкина «Социология. Политика. Международные отношения» (М., 1974), П. С. Грацианского «Политическая наука во Франции: Критические очерки» (М., 1975), Ю. П. Урьянса «Политический механизм ФРГ. Социал-либеральная коалиция у власти» (М., 1978), А. Г. Орлова «Политические системы стран Латинской Америки» (М., 1982), Ф. М. Бурлацкого и А. А. Галкина «Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма» (М., 1985), коллективный труд «Основы теории политической системы» (М., 1985). Ф. М. Бурлацкий и другие советские учёные-обществоведы, как свидетельствуют Н. Д. Александров и В. Е. Сулимов, ещё до апреля 1995 г. доказывали необходимость конституирования политологии как самостоятельной науки¹. Однако для этого потребовалось несколько лет перестройки.

В конце 1980-х гг. политология начинает преподаваться в советских вузах. С осени 1989 г. функционирует экспертный Совет по политологии Высшей ат-

¹ Александров Н. Д., Сулимов В. Е. О некоторых методологических основах политологии // Социально-политические науки. 1991. № 3. С. 52.

тестационной комиссии, в ряде высших учебных заведений и научно-исследовательских институтах создаются диссертационные советы по защите кандидатских и докторских диссертаций по специальностям 23.00.01 «Теория и история политической науки», 23.00.02. «Политические институты и процессы», 23.00.03 «Политическая культура и идеология». В 1990 г. официально признаётся номенклатура научных работников под общим названием «политические науки». Позднее утверждается Государственный образовательный стандарт специальности 020200 «Политология».

Одной из первых самостоятельных политологических кафедр страны стала, в частности, кафедра политологии и истории политических учений, образованная летом 1990 г. в Сибирском социально-политическом институте в Новосибирске (ректор – профессор А. К. Черненко). Её возглавил доктор исторических наук А. Г. Осипов. Вместе с автором этих строк на кафедре с первого дня её основания работали В. В. Демидов, Е. И. Коновалов, А. В. Лифанов. С преобразованием института в Сибирский кадровый центр (впоследствии Сибирскую академию государственной службы) кафедра сохранила свою самостоятельность. Её заведующим стал А. В. Лифанов. Пришли новые преподаватели (сначала А. Ю. Малышев, а затем Г. И. Плясуля, И. А. Бабенко). При кафедре из её сотрудников была создана лаборатория анализа, моделирования и прогнозирования социально-политических процессов.

С 1991 г. в стране помимо журнала «Социально-политические науки» (впоследствии «Социально-политический журнал») начинает издаваться журнал «Политические исследования», а затем и другие периодические (серийные) издания (например, в Сибирском кадровом центре информационно-аналитический бюллетень «Политика. Экономика. Управление» и информационно-справочный вестник «Полихрон»). Позднее учреждается Академия политической науки и её отделения в регионах (например, Сибирское отделение), а также Сибирская Академия политических наук. Они сыграли важную роль в становлении политической науки в России.

Список использованной литературы и источников

- Азаркин Н. М.* Монтескье. М., 1988.
- Александров Н. Д., Сулимов В. Е.* О некоторых методологических основах политологии // Социально-политические науки. 1991. № 3.
- Аристотель.* Соч.: В 4 т. М., 1984. Т. 4.
- Афросин. П. П., Гомеров И. Н.* Повышение эффективности подготовки и использования молодых специалистов // Развитие производительных сил и социально-экономические проблемы трудовых ресурсов Сибири. Новосибирск, 1973.
- Бавин П.* Политика в СМИ. 29.06.2006 [отчёт]. [Опрос населения]. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://bd.fom.ru/report/cat/smi/smi_pol/dd062522.
- Баркалов В. Я.* История политических учений в России XI-XVIII вв. Барнаул, 1992.
- Баткин Л. М.* Макьявелли: опыт и умозрение // Вопр. философии. 1977. № 12.
- Беленький М. С.* Спиноза. М., 1964.
- Бентам И.* Введение в основания нравственности и законодательства. М., 1998.
- Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990.
- Галанза П. Н.* Учение И. Канта о государстве и праве. М., 1960.
- Гегель Г.* Политические произведения. М., 1978.
- Гегель Г.* Философия права. М., 1990.
- Гоббс Т.* Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 1; М., 1991. Т. 2.
- Гомеров И. Н.* Территориальные особенности электоральных субкультур // Социальное взаимодействие и политические процессы на территории: В 2 ч. Кемерово, 1997. Ч. 2.
- Гомеров И. Н., Нестеров Ю. А., Турченко В. Н.* Научно-техническая революция и молодёжь // Молодёжь, образование и научно-технический прогресс. Новосибирск, 1971.
- Гулыга А.* Кант. М., 1981.
- Гумплович Л.* Общее учение о государстве. СПб., 1910.
- Дворцов А. Т. Ж. Ж. Руссо.* М., 1980.
- Джахид А.* Абу-Наср аль Фараби о государстве. Душанбе, 1966.
- Диревнин А. А.* Учение Цицерона о государстве и праве: Автореф. дис. канд. юрид. наук. М.; 1985.
- Досократики.* Минск, 1999.
- Древнеиндийская философия: Начальный период.* 2-е. изд. М., 1972.
- Древнекитайская философия. Собр. текстов: В 2 т. М., 1972. Т. 1.*
- Зиновьев А. А.* На пути к сверхобществу. М., 2000.
- Зинченко Г. А. Дж. Локк.* М., 1973.
- История буржуазного конституционализма XIX в. / Отв. ред. В. С. Нерсисянц.* М., 1986.
- История буржуазной социологии XIX – начала XX в. М., 1979.*
- История всемирной литературы: В 9 т. М., 1983. Т. 1.*

- История первобытного общества. Эпоха классовообразования.* М., 1988.
- История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины.* М., 1986.
- История теоретической социологии:* В 5 т. М., 1995. Т. 1.
- Кант И.* Соч.: В 6 т. М., 1965. Т. 4. Ч. 1, 2.
- Кара-Мурза С. Г.* Манипуляция сознанием. М., 2009.
- Каутский К.* Материалистическое понимание истории. Т. 2. Государство и развитие общества. М.-Л., 1931.
- Ковалевский М. М.* История современной демократии. М., 1987.
- Ковалевский М. М.* Общее учение о государстве. СПб., 1909.
- Кон И. С.* Позитивизм в социологии. Л., 1964.
- Констан Б.* О свободе у древних в её сравнении со свободой у современных людей: Пер. с франц. // Политические исследования. 1993. № 2.
- Конт О.* Дух позитивной философии. СПб., 1912.
- Конфуций.* Уроки мудрости: Соч. Москва; Харьков, 2000.
- Куприц Н.Я.* Ковалевский. М., 1978.
- Локк Дж.* Соч.: В 3 т. Т. 3. М., 1988.
- Лосев А. Ф.* История античной эстетики (ранняя классика). М., 1963.
- Лосев А. Ф.* История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. М., 1975.
- Лосев А. Ф.* История античной эстетики. Высокая классика. М., 1974.
- Лосев А. Ф.* История античной эстетики. Софисты, Сократ, Платон. М., 1969.
- Лурье С. А.* Демокрит. Л., 1970.
- Майкл Д.* Свобода официальной информации // Современный конституционализм (по материалам советско-британского симпозиума). М., 1990.
- Макиавелли Н.* Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. Ростов-на-Дону, 1998.
- Манн Т.* Философия Ницше в свете нашего опыта // Собр. соч. М., 1961. Т. 10.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955–1981. Т. 1–50.
- Матвеев Р. Ф.* Теоретическая и практическая политология. М., 1993.
- Милль Дж. Ст.* Размышления о представительном правлении. СПб., 1863–1864. Ч. 1–2.
- Милль Дж. Ст.* Рассуждения и исследования политические, философские и исторические. СПб., 1864–1865. Ч. 1–3.
- Мирзаев С. Б.* Полибий. М., 1986.
- Монтескье Ш.* Избр. произв. М., 1955.
- Монтескье Ш. Л.* О духе законов. М., 1999.
- Мостовая Е. Б.* Ценностный полиморфизм в транзитивном обществе // Проблемы социальных взаимодействий в транзитивном обществе: Сборник научных трудов / Под ред. М. В. Удальцовой. Новосибирск, 1999.
- Мухаев Р. Т.* Политология: Учебник для вузов. М, 1997.
- Население России. 1999: Седьмой ежегодный демографический доклад /* Ответ. ред. А. Г. Вишневский. М., 2000.

- Нерсисянц В. С.* Платон. М., 1984.
- Нерсисянц В. С.* Политические учения Древней Греции. М., 1979.
- Ницше Ф.* По ту сторону добра и зла. Соч. М., 1999.
- Ницше Ф.* Полн. собр. соч. М., 1909–1912. Т. 1–9.
- Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. СПб., 1903.
- Остин Р.* Свобода прессы и средств массовой информации // Современный конституционализм (по материалам советско-британского симпозиума). М., 1990.
- Переломов Л. С.* Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М., 1981.
- Петрушев В. А.* Учение Демокрита о государстве и праве: Автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 1985.
- Платон.* Соч.: В 3 т. М., 1971. Т. 3. Ч. 1; М., 1972. Т. 3. Ч. 2.
- Покровский П. А.* Бентам и его время. П., 1916.
- Почепцов Г. Г.* Паблик рилейшнз для профессионалов. 2-е изд. М., 2000.
- Пугачёв В. П., Соловьёв А. И.* Введение в политологию: учебник для студентов высш. учеб. заведений. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1998.
- Рубин В. А.* Традиции китайской политической мысли // Вопр. философии. 1970. № 5.
- Руссо Ж. Ж.* Избр. соч. М., 1961. Т. 1–3.
- Руссо Ж. Ж.* Трактаты. М., 1969.
- Советский энциклопедический словарь.* 3-е изд. М., 1984.
- Соколов В. В.* Теоретическое наследие Спинозы // Вопр. философии. 1977. № 4.
- Спенсер Г.* Опыты научные, политические и философские: Пер. с англ. Минск, 1998.
- Спенсер Г.* Основания социологии. Т. 1–2. - СПб, 1898.
- Спенсер Г.* Социальная статика. СПб, 1906.
- Спенсер Г.* Социология как предмет изучения. СПб, 1896.
- Спиноза Б.* Богословско-политический трактат: Пер. с лат. Минск, 1998э
- Спиноза Б.* Соч.: В 2 т. СПб., 1999. Т. 1, 2.
- Такулаев А. Н., Сапаргалиев Г. С.* Государственно-правовые взгляды аль-Фараби. Алма-Ата, 1975.
- Темнов Е. И.* Макиавелли. М., 1979.
- Тофлер Э.* Третья волна: Пер. с англ. М., 1999.
- Трахтенберг О. В.* Очерки по истории философии и социологии Англии XIX в. М., 1959.
- Удальцова М. В.* Транзитивное общество и его проблемы // Проблемы социальных взаимодействий в транзитивном обществе: Сборник научных трудов / Под ред. М. В. Удальцовой. Новосибирск, 1999.
- Утченко С. Л.* Цицерон и его время. 2-е изд. М., 1986.
- Цицерон М. Т.* Избр. соч. М., 1975.

Шмерлина И. Телевизор в нашей жизни. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://bd.fom.ru/report/map/projects/dominant/dom0836/d083623>

Экимов А. И. Коркунов. М., 1983.

American Political Science Review. 1959. Vol. 53. № 4.

Burdeau G. Droit constitutionnel et institutions politiques. P., 1980.

Burdeau G. Traite de science politique. P., 1960–1975.

Duwerger M. Institutions politiques et droit constitutionnel. P., 1980.

Haddow A. Political Science in American Colleges and Universities. 1636–1900. N. Y., 1939.

Hauriou A., Gicquel J. Droit constitutionnel et institutions politiques. P., 1980.

Held D. Political Theory and the Modern State. Essay on State, Power and Democracy. Stanford (Cal.) Univ. press. 1989. VII.

Lafferiére J. Manuel de droit constitutionnel. P., 1947.

Latousch S. Le proces de la science sociale // Introduction a une theorie de la connaissance. Paris, 1984.

Pactet P. Institutions politiques. Droit constitutionnel. P., 1981.

Prelot M., Boulois J. Institutions politiques et droit constitutionnel. P., 1980.

Vedel G. Manuel elementaire de droit constitutionnel. P., 1949.

Гомеров Игорь Николаевич

**АКТУАЛЬНОСТЬ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЕХИ
РАЗВИТИЯ ПОЛИТОЛОГИИ**

Лекция

Игорь Николаевич Гомеров – профессор Новосибирского национального исследовательского государственного университета (630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 2), доктор политических наук (МГУ, 1996), профессор (1997), действительный член Академии политической науки и Академии гуманитарных наук, вице-президент Сибирской академии политических наук. Основные научные интересы связаны с исследованием политических технологий, государственной власти, политической культуры, политической субъектности, политической деятельности и политических отношений. Общий объём опубликованных научных и учебно-методических работ – более 453 п. л. Автор нескольких десятков научных статей, более 30 монографий, книг, брошюр и учебных пособий, в том числе монографий (электронный доступ: <http://www.spsl.nsc.ru/win/nelbib/ek.htm>):

Гомеров И. Н. Архитектура выборов: маркетинговый подход. Новосибирск, 1993. 315 с.

Гомеров И. Н. Государство и государственная власть: предпосылки, особенности, структура. М., 2002. 832 с.

Гомеров И. Н. Демократизация политической системы России: актуальность, проблемы, перспективы. Новосибирск, 2012. 138 с. (электронный доступ: <http://www.spsl.nsc.ru/win/nelbib/elbook/gomerov2.pdf>).

Гомеров И. Н. Партийно-личностные ориентации избирателей. Новосибирск, 1994. 118 с.

Гомеров И. Н. Политика: предпосылки, элементы, специфика. Новосибирск, 2006. 245 с.

Гомеров И. Н. Политическая деятельность: психолого-политологический анализ. Новосибирск, 2010. 550 с. (электронный доступ: <http://www.spsl.nsc.ru/win/nelbib/elbook/gomerov.pdf>).

Гомеров И. Н. Политическая культура как моделирующая система. Новосибирск, 1995. 122 с.

Гомеров И. Н. Политическая система общества: компоненты, структура, функции. Новосибирск, 1992. 153 с.

Гомеров И. Н. Политическая субъектность в структуре политических отношений: теория и российские реалии. Новосибирск, 2011. 885 с. (электронный доступ: <http://www.spsl.nsc.ru/win/nelbib/elbook/gomerov1.pdf>).

Гомеров И. Н. Политология как наука и учебная дисциплина. Новосибирск, 1999. 223 с.

Гомеров И. Н. Структура и свойства власти. Новосибирск, 2000. 236 с.

Гомеров И. Н. Электоральная культура и технология выборов. Новосибирск, 1998. 252 с.